Александр
МАЗИН
ВАРЯГ
БОГАТЫРЬ

Александр Владимирович Мазин

Богатырь

Серия «Варяг», книга 8

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20634080
Александр Мазин Варяг. Богатырь: Э; М; 2016
ISBN 978-5-699-91212-4

Аннотация

Время легенд. Время героев. Великий князь Владимир Святославович. Креститель. Государь. Кесарь. Равных ему не было и не будет и тысячу лет спустя. И многие сотни лет после его кончины народ созданного Владимиром Государства Русь будет мечтать о возвращении прошлого. О мире, где правит Государь Красное Солнышко, а верные ему богатыри надежно хранят границы Руси.

Стрела, угодившая в позвоночник, лишила Илью Годуна, приемного сына князь-воеводы Серегея, славного будущего. У него отнялись ноги. Одна стрела – и четырнадцатилетний воин превратился в беспомощного калеку. Но Илья не сдался. Он сумел понять: не ноги делают воина воином, а истинный воинский дух, который не сокрушить даже смерти.

Содержание

Часть первая 13
Глава 1 13
Глава 2 21
Глава 3 34
Глава 4 44
Глава 5 49
Глава 6 57
Глава 7 80
Глава 8 86
Глава 9 99
Глава 10 115
Конец ознакомительного фрагмента. 116

Александр Мазин
Варяг. Богатырь

© Мазин А., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

– Дичины набили, девок тож…

– Девок набили? – ухмыльнулся Вальгар Барсучонок, сотник из природных варягов. – Это вы зря. Хошь, научу тебя, Крутояр, как с девками обходиться следует?

Глаза сотника Крутояра недобро сузились:

– Да я…

Артём положил руку ему на плечо, останавливая ссору, показал кивком головы на топчущегося с той стороны стола отрока.

– Чего хотел, Узень? – недовольно проворчал Крутояр, уставившись на своего подначального. – Говори, не мнись, как дев… тьфу, как теля!

Узень, здоровенный хмурый дружинник лет двадцати, пробасил мрачно:

– Не к тебе дело, сотник, князя хочу спросить.

– Спрашивай, – разрешил Артём.

Ему стало любопытно. Узень – дружинник из местных.

«Достался» князю вместе с уличским уделом и напрямую обращался к нему впервые.

– О брате твоем спросить хочу, – буркнул Узень. – Почему он, княже, мое место за столом занял? Обидно это!

– Думаю, он не знал, что это место – твое, – заметил Артём. – Попроси его – и он подвинется.

– А если он не захочет?

Артём бросил взгляд на ту часть, где разместились отроки. Илья устроился на самом «верхнем» краю стола младшей дружины. Ведал он иль нет, что занял чужое место, но если и ведал, то это его точно не беспокоило. Уплетал за обе щеки и ничуть не смущался, что раза в полтора мельче своих соседей по столу.

– Не захочет, говоришь? – Артём перевел взгляд на Узня. – Ну так попробуй принудить.

– Но он – твой брат, княже!

– И что? Если это место твое, значит – твое. Ты отрок или девка теремная? Я должен утирать тебе сопли каждый раз, когда тебя обидят? Тогда тебе не за моим столом место, а вон там, – уличский князь кивнул в сторону «женского» стола.

– Значит, можно? – Выражение незаслуженной обиды, только что преобладавшее на квадратном, обрамленном короткой русой бородкой лице Узня сменилось предвкушающе-агрессивным. – Благодарю, княже!

И отрок вразвалочку двинул к скамье, на которой, среди прочих уличских отроков достоинством повыше, угощался

от княжьих щедрот Илья, Серегеев сын.

– Не зашибет? – поинтересовался княжий сотник Крутояр, провожая взглядом широкую спину отрока Узня.

– Он – мой брат. – Артём усмехнулся. – А моему брату негоже за чужой спиной прятаться. Это его должны уважать, а не меня.

– А он сумеет? – усомнился Крутояр. – Узень-то осерчал. А в гневе он – несдержан, уж я-то знаю.

– Знаешь, – согласился Артём. – Он ведь из твоей сотни. Но Илья – мой брат, – еще раз повторил уличский князь. – Я не стану утирать ему сопли. Да он и не позволит. А Узень осерчал потому, что думает, будто в своем праве.

– А разве – нет? – спросил Крутояр. – Это ведь его место.

– С чего ты взял? – осведомился Лузгай, командир лучшей сотни Артёма, сидевший по правую руку от князя. – Это княжий стол. И места за ним – все как есть княжьи. И мы с тобой тоже княжьи. Станешь спорить?

– Нет, не стану. Но если мой отрок обидит…

– Довольно! – оборвал его Артём. – Да, согласен, Илья против Узня маловат, так и я, Крутояр, росточком не вышел. А кто в этой трапезной против меня устоит?

– Я бы попробовал! – тут же заявил сидевший рядом с Лузгаем хузарин Борх. – Только – конно.

– Попробуешь, – пообещал Артём. – Но не сегодня. И не со мной, а с Ильей. А я погляжу, чему братишку твои и мои родичи прошлым летом обучили. А теперь помолчим. И по-

смотрим.

Отрок Узень остановился за спиной ничего не подозревающего Ильи и хлопнул парня по плечу.

От увесистого удара Илья покачнулся, расплескав мед, поставил чашу, обернулся…

За княжьим столом не услышали, что именно сказал Илье Узень – в трапезной было довольно шумно. Однако по ухмылочкам соседних Илье гридней и по вмиг закаменевшему лицу Ильи становилось понятно: сказано что-то весьма обидное.

Губы княжьего брата шевельнулись, он взял чашу и протянул ее Узню.

Тот чаши не принял. Выкрикнул что-то, махнул рукой, намереваясь выбить чашу из десницы Ильи… И промахнулся. Зато не промахнулся Илья. Чаша с горячим медом выплеснулась Узню в лицо.

Пока отрок протирал глаза, Илья тоже успел ему что-то сказать. И, надо полагать, не извинение, потому что липкие пальцы уличского отрока едва не вцепились в стриженные кружком пшеничные волосы Ильи. Однако тот не дался – нырнул под стол. Это был единственный способ уклониться, ведь по обе стороны от Ильи сидели плечистые уличские дружинники, и не подумавшие подвинуться.

Нырнуть под стол – не самый славный путь, но Илья там задержался недолго. Извернулся, проскользнул под скамьей, вынырнул справа от разъяренного Узня и, раньше чем тот

успел что-то предпринять, подпер отроку подбородок лезвием его собственного засапожника.

В трапезной к этому мигу уже оборвались все разговоры, а многие дружинники даже повскакивали с мест, чтобы лучше видеть. Так что сказанное Ильей смогли услышать даже в тридцати шагах, за княжеским столом.

– Надо тебе кровь пустить за такие слова! – выкрикнул Илья. – Но ты, не знаю, как тебя звать, – в дружине моего брата, и вежеству тебя учить – его забота! Когда я сам стану князем, то уж постараюсь, чтобы мои отроки были – не тебе чета и крепко помнили, что, оскорбляя моих гостей или родичей, они оскорбляют меня! А уж таких неуклюжих и криворуких, как ты, я даже в дворовые холопы не возьму!

– А ведь он прав, брат твой, – негромко произнес Лузгай. – Гнать надо Узня. Я в отроках лучше б себе горло перерезал, чем такое слушать. А он, вишь, стоит не шелохнется.

– В бою он не трусил! – вступился за дружинника Крутояр.

– Воин, который выбирает, когда ему трусить, а когда храбриться? Ха! – развеселился Борх.

– Нет, Свенельдич, так не бывает, – поддержал хузарина Лузгай. – Ты или хоробр, или раб.

– Илья! – прервал Артём философский спор старшей гриди. – Отпусти его, Илья! И верни нож. А ты, Узень – бегом сюда!

– Крутояр. – Уличский князь повернулся к сотнику. – Это

твой человек. Накажи его сам. А потом убери его с моих глаз и с моей земли.

– За что, княже? – не выдержал Узень. – Ты же сам позволил! Я – в своем праве! Против своего слова идешь!

Крутояр, не вставая, метнул кинжал, которым резал мясо. Серебряное навершие рукояти ударило отрока в зубы. И тут же вскочившие гридни схватили Узня, поставили на колени, оттянули голову назад. Кивнет князь – и перережут горло своему выкашливающему кровь и зубное крошево соратнику. Бывшему соратнику, обвинившему батьку-князя в клятвопреступлении.

– Брат! Да ну его! Он же дурачок! Прости! Ну его к лешему!

Артём перевел взгляд на Илью, спросил строго:

– Ты его пожалел, значит, и я – должен?

Илья смутился, а взор уличского князя вновь обратился к провинившемуся дружиннику.

– Мой младший брат юн, – сказал он, – а потому добр. Но ради него буду добрым и я. Тебе, изгой, будет подарено право умереть не овцой, а воином. От клинка того из моих гридней, на кого укажешь. Отпустите его!

Узень поднялся с колен, сплюнул на пол кровавый сгусток. Действительно, дурень. Взял и вдобавок ко всему еще и дом, и тех, кто в нем живет, оскорбил. И сам не понял, что оскорбил, хотя обычаи ведал.

– Пощади меня, кн… мой господин! Отпусти!

Артём скривился, как от кислой ягоды. Узень больше не его человек. Но был им. А значит, он, князь уличский, взял в дружину неподходящего человека. Еще б Узень, аки смерд, снова на колени бухнулся…

– Крутояр, – брезгливо процедил Артём. – Не здесь, во дворе.

Сотник понял. Вытянул из ножен лежавший на лавке меч, кивнул гридням…

И Узень понял, что выбора у него нет, и наконец повел себя как воин.

Меча при нем не было (отрокам на пиру, за столом, – не положено), но на полу лежал Крутояров кинжал. Вот его-то Узень и подхватил. Шуйцей выхватил из кармашка засапожник и приготовился умереть.

В поединке с сотником у него не было ни малейшей надежды, даже будь у Узня меч, а у Крутояра – засапожник.

Сотник неторопливо обогнул стол и – стремительный выпад, а затем падение тела. Оглушенный «плоским» ударом Узень завалился навзничь.

– Во двор его, – скомандовал Крутояр. – Очухается – пятьдесят плетей и прочь из города!

Беспамятного Узня выволокли из трапезной.

Артём одобрительно кивнул. Настроение его улучшилось. Все же не овцой оказался Узень. Зубки-то показал.

Однако в дружине уличского князя ему уже не было места.

А вот подобранному Артёмом когда-то смердьему сыну Гошке, которого теперь зовут Ильей, – есть. Но служить Илье лучше в Киеве. К бате поближе. И к столу великокняжьему.

– Что смотришь обиженно? – бросил он названному брату. – Это и есть княжья доля: знать, когда надо карать, а когда можно и помиловать. Когда-нибудь и тебе придется.

– Тогда я не хочу быть князем, – мрачно проговорил Илья.

– А кем хочешь? – Артём скрыл улыбку в густых варяжских усах.

– Воином буду, – заявил Илья. – Великим хоробром. Тем, кто славу стяжает, убивая врагов, а не казня своих!

Будь на месте Ильи кто-то из Артёмовой дружины, не избежать бы ему наказания. Но к родне уличский князь был снисходителен. Потому что – любил.

Еще он мог бы напомнить, что наказывает сейчас не он, а Крутояр, и не своего дружинника, а изгоя, но сказал иначе:

– Свои, брат, могут быть опаснее самых страшных врагов. Если вдруг окажутся такими, как этот. Иди и ешь впрок. Завтра у тебя будет трудный день. В поход пойдете. Вот он, – кивок в сторону Борха, – согласился лично проверить, как тебя научили у его родича Машега.

– О! – Обрадованный Илья моментально забыл об Узне и о неприятных обязанностях князя. – Правда? Вот здорово! В Дикое Поле пойдем? Копченых бить?

– Кого найдем, того и побьем, брат Илья, – пообещал

Борх. – Время нынче хорошее – в поле разбойников на всех хватит…

Часть первая
Калека

Глава 1

Моров. Илья Годун, названный сын князь-воеводы Серегея

Илья открыл глаза. Над ним – тот же постылый потолок. И вместо ног – уже привычная пустота.

Сон. Из прошлого. Год назад это было. Будто вечность минула. Вечность – с той поры, как он был человеком. Воином.

Разбудили Илью звуки снаружи. Людей, коней, железа… Большой отряд, копий на тридцать, не меньше.

Батя приехал.

Дверь в комнату распахнулась. Нагнувшись, чтобы не зацепить головой притолоку, в спаленку вошел князь-воевода моровский Серегей.

– Здравия, сынок! – пробасил он. – Не ждал?

– Не ждал, батюшка, – проговорил Илья равнодушно.

Даже не пошевелился. Как лежал, так и остался лежать, глядя, как роятся под потолком мухи.

– Ты б хоть привстал, что ли, сын? – с укоризной произнес Духарев.

Илья вздохнул, уперся руками, поднял тулово, прислонился к пахнущей свежим деревом (дом всего неделю назад как достроили) стене.

– Испей с дороги, господин! – Босая девка, появившаяся из клети, подала Сергею Ивановичу ковшик с пивом. – Холодненькое, с ледника!

Духарев с удовольствием опростал ковшик, отер усы рушником, ущипнул девку за ягодицу и подмигнул названному сыну.

Илья не отреагировал. Ни на девку, ни на подмигивание. Что ему теперь девки…

– Эх, сынок, сынок… – Духарев присел на жалобно заскрипевшее под его немалым весом ложе рядом с Ильей. – Ты же – воин! Варяг! Пропустил удар – поднимись! И дерись! Ты ж моего рода! Ты жив! Не смей сдаваться!

– А что мне такая жизнь, батюшка… – тусклым голосом пробормотал Илья.

Он устал. Он держался, сколько мог. Он боролся с болью, пока была боль… Теперь боли почти не осталось, и бороться стало не с чем. И не с кем. Он – калека. На всю жизнь. Хочется надеяться, что недолгую.

– Какой я теперь воин, батюшка. Что за воин – без ног?

– А воин – это не ноги, – строго произнес Духарев. – И не руки. Воин – это дух воинский. Вот здесь! – Сергей Ивано-

вич чувствительно ткнул кулаком Илью в грудь. – И здесь! – Твердый, как сучок, палец постучал Илью по лбу. – Я – глава рода! Я тебе сказал, мальчишка, встань и иди! Значит, встал и пошел!

– Ты – старший, – согласился Илья. – Но ты не Иисус. Нет у тебя такой власти – расслабленных исцелять.

– Уже хорошо, – похвалил Духарев. – Не забыл, значит, Святое Писание. Ты прав, сын. Исцелить тебя я не могу. А вот помочь – обязательно. – Улыбка приподняла толстые, стального цвета усы воеводы. – Эй, там! Вносите!

Пара отроков, сочувственно косясь на калеку, внесла в комнату странную штуковину: деревянную раму на четырех опорах высотой локтя в три. Внутри рамы болтались ремни, похожие чем-то на корзинку боевой машины для метания камней.

– Ну-ка! – Неожиданно Духарев подхватил Илью, поднял высоко и, рявкнув отрокам: – Примите! – опустил внутрь непонятной штуки. Бесчувственные ноги Ильи повисли между ремней. Еще один ремень, широкий, пошире боевого, Духарев затянул на талии Ильи. – Отлично сел! Точно по мерке! А теперь гляди! – Сергей Иванович взял у отрока и подал Илье еще две непонятные штуковины, похожие на костыли, только не с одной, а с тремя ножками, растопыренными, как паучьи лапки.

– Значит, это – подмышки, вот за эти перекладины берешься, толкаешься… Ну, чего ждешь? Или руки у тебя то-

же отнялись?

Повинуясь не столько собственному желанию, сколько сердитому голосу отца, Илья сделал, что требовалось, и повис на костылях.

– Уже лучше! – похвалил Духарев. – А теперь – иди!

– Как? – не понял Илья.

– А вот так!

И показал.

И у Ильи не сразу, но получилось. «Походил» по комнате туда-сюда, наловчился немного. С непривычки руки и плечи заболели, но на такую ничтожную боль Илье – наплевать. Он даже порадовался ей. Потому что это была хорошая боль. Знакомая.

– Ну давай-ка в сени! – распорядился батя.

Илья неловко запрыгал к двери.

– А теперь на выход!

На крыльце Илья замер. Полдесятка ступенек казались неодолимым препятствием.

Илья глядел на двор, на суету в нем, на дружинников, что расседлывали коней. Всё будто незнакомое. Сколько он пролежал? Сколько не смотрел на мир с высоты собственного роста? Месяц? Два? Больше? Осень уже. Вон – листва желтеет…

Вспомнилось прошлое. Вот бы сейчас разбежаться, на коня взлететь…

Илья сцепил зубы, чтоб не расплакаться. Но слезы так и

так на глаза навернулись.

Рука легла на плечо. Батюшка угадал мысли:

– Не жалей себя, сын. Стыдно. – Заглянул, наклонившись, в глаза: – Ты – жив, Илья! Вот так! Сцепи зубы и живи, ясно?

– Зачем так жить, батя? – выдохнул Илья. – Что в такой жизни проку?

– В самой жизни прок, сын. Бог тебе жизнь оставил, а это не зря. Сцепи зубы и живи, ясно? Ты – воин! Ты – в роду нашем! Не посрами его! Не дай пожалеть, что сыном тебя назвал! Ног нет, рук нет – зубами вцепись, не отпускай! Верь: и похуже бывало! Сдашься – позор всем нам. Мне, Артёму, Славке. Женам нашим, что у смерти тебя отбили. Глянет на тебя старый Рёрех из-за Кромки – сплюнет и отвернется. Позор ему тебя, сдавшегося, видеть.

– Так уж и сплюнет, – пробормотал Илья. – За Кромкой-то…

– Много ты о Кромке знаешь, юнец? – одернул батюшка. – Слушай, что говорю!

«А ведь знает, – подумал Илья. – Он же – ведун».

Представилось вдруг, как смотрит на него дедка Рёрех, видит, как он, уткнувшись в стенку, лежмя лежит и себя жалеет… Ух и взгрел бы он Илью палкой за такое в старые времена…

И тут вспомнилось: а ведь и батя в такой же беде был. Когда его, израненного, с Хортицы привезли. Шевельнуться не мог. Рёрех сказывал: другой бы умер, а батя – удержался.

Считай, из-за Кромки его вытянули. Да разве вытянешь того, кто сам не тянется? Зубами, если больше нечем…

Вот и Илья сцепил зубы и толкнулся костылями от крыльца…

Так и грохнулся бы головой вниз, кабы батя не подхватил, не выправил. Ходунцы ударили в землю, заскрипели, но не сломались. Илья тоже заскрипел. Зубами. Потому что боль спину рванула – как в худшие времена. Илья еле крик сдержал, сжался весь… Ну, как не отпустит теперь?

Отпустило.

Батя тоже вздохнул облегченно: угадал, что полегчало.

– Что ж ты так неосторожно, парень? На руки вес принимать надо, понял? И спину упражнять, чтоб сила вернулась. Тебе теперь много силы понадобится. В руках, в спине, в животе, чтоб ноги тебе заменить.

– Я буду, батя, – пообещал Илья. – Буду упражнять. Научи как.

– Да уж научу, – проворчал Сергей Иванович, стараясь не показать, как всё внутри ликует: вытащил парня из депрессии. А ведь и не сложно было. Такому только цель покажи – попрет, не остановишь.

– Давай, не стой. Замерзнешь с непривычки.

И то верно. Илья – в одной рубахе, а лето давно кончилось. В прежние времена Сергей Иванович не побеспокоился бы: закалка у гридней – на высшем уровне. Но нынче такой уверенности нет. Ослабел парнишка.

Дважды повторять не пришлось. Илья толкнулся и запрыгал по двору. Неловко, но энергично.

Ему уступали дорогу, но помочь не пытались. Кто-то здоровался, Илья отвечал не задумываясь.

Духарев шел позади. Илья его не видел, но знал: тут. Если надо, поможет, поддержит. Если надо.

Конюшня.

Внутри – тоже суета. Запах такой знакомый, даже голова закружилась. И…

– Голубь! – Илья прижался щекой. – Голубь…

Как же он мог забыть о друге?

– Он в порядке, – негромко произнес за спиной отец.

Илья и сам видел, что жеребец здоров, силен и ухожен. Это Илья о нем забыл, а отец – нет. Он ничего не забывает, батя.

На глаза навернулись слезы. Нет, он не сдастся. Не опозорит род свой. Никогда.

«Бедный ты мой», – думал Сергей Духарев, глядя на сына, обнимающего коня, на котором ему никогда не скакать. Хотя…

Почему – никогда? Можно же и тут что-то придумать. Такой же каркас вместо седла… Не можно – нужно!

– Пойдем, Илья, – сказал он, кладя руку на согнутую спину Ильи. – Делом займемся. Хватит тебе дохлым червяком валяться. Пора снова стать сильным.

Показать плотникам, что именно требуется, оказалось несложно. А вот придумать полный тренажерный комплекс – это да. Хотя для начала Сергей Иванович ограничился несколькими перекладинами для подтягивания-отжимания и подобием штанги – для жима лежа. Все упражнения Илья мог делать, не вставая с кровати. Еще – ремень, чтобы застегивать поперек бедер: качать пресс и спину. Пока довольно. Об остальном надо будет со Сладой посоветоваться: не повредить бы.

Собрали всё к вечеру. Духарев самолично показал, как подтягиваться, качать пресс, как отжиматься на брусьях, закрепленных в углу. К брусьям Илью должны были приносить, но это – поначалу. Потом Илья должен был «подходить» к ним сам. С помощью ходунков, разумеется. Ответственным за лечебную физкультуру назначил Яроша. Если сам занят будет, подыщет толкового холопа.

Отдельно Духарев потолковал с девкой, которая делала Илье массаж и помогала во всяких естественных надобностях. Особо наказал следить, чтоб не было потертостей и ссадин на парализованных частях тела. Впрочем, она бы и без указаний Сергея Ивановича обошлась. Слада проинструктировала ее подробнейшим образом и всей необходимой фармакологией снабдила.

Глава 2

Моров. Илья Годун, безногий воин

Боль – это хорошо. Матушка сказала: «Заболит внизу – Богу свечку поставь, – это он ноги тебе возвращает».

Болели не ноги. Ног по-прежнему не было – видимость одна. Болели плечи, спина, живот. Боль – радовала. «Боль – спутник воина, Годун!» Так Рёрех говорил. И лупил Илью беспощадно. Сейчас у Ильи болело так же, как в прежние времена. Правильно болело. Добрая боль. Она хороша. А раньше боль злая была. Хуже пытки.

Боль – маковый отвар – забытье – боль – отвар…

Потом просто боль – без спасительного забвенья. Так решила матушка Сладислава. «Нельзя. Привыкнешь – и мак сделает тебя слабым. Терпи!»

Что-что, а терпеть Илья умел. Было бы ради чего.

Теперь – было. Род не посрамить!

Илья принял рушник из рук девки, обтер лицо. Вернув, поймал девкин взгляд: другой, не тот, что пять седьмиц назад, когда лежал Илья влежку, не в силах даже малую нужду сам справить. Другой взгляд. Так на него девки смотрели прежде, до роковой стрелы, обратившей княжьего гридня в калеку.

Илья усмехнулся. Зря смотрит. Нет в нем ныне мужской силы.

Но все равно приятно.

Илья вдел руки в ременные петли, подтянулся раз-другой… Ноги по-прежнему висели, будто мертвый груз, но зато всё остальное вновь налилось силой. Настоящей, воинской. Теперь Илья может и лук натянуть, а то и на коня сесть…

Нет, на коня не сможет. Всаднику ноги нужны не меньше, чем пешцу.

Опять ворухнулось в сердце нехорошее… но Илья прогнал. Справился. Вверх! Еще раз – вверх! До хруста в суставах, до доброй боли в мышцах. А когда измученное тело перестает слушаться, надо заставлять его, принуждать. Через добрую боль, через вялость, усталость, слабость. Всё это Илья умел очень хорошо.

Батя приезжал каждую седьмицу. Хвалил. Каждый раз придумывал что-то новое. Вот в прошлый раз доску приспособил, чтобы Илья мог по ней в ходунки съехать. Веревки по всей комнате протянул. Теперь Илья способен сам и до стола добраться, и в кресле устроиться. И в другое кресло, которое – по нужде. Кресла тоже батя привез: на скамье ныне Илье сидеть трудно.

Старался батя.

Илья тоже старался. С утра до ночи трудился. Вместо отдыха с Кулибой разговаривал. Полочанина Илье отец дал.

Сказал так:

– Сотник Кулиба наместником моим в Морове будет, пока что. Человек верный, и поучиться у него есть чему, и смерды наши у него не забалуют. Хоть пахари, хоть лесовики.

Так что в моровском княжестве пока что Кулиба и заправлял.

Но обо всем Илье рассказывал. Где кто живет, какие деревеньки по реке и в ближних лесах, кто какую дань платить может. Что построили, что построят, что еще строить будут. Батю Кулиба очень хвалил. За толковую щедрость. Вот, к примеру, постоялый двор при пристани построили – уже окупился. И мельница.

Илья потом по памяти записывал. О Морове – словенским письмом. Об упражнениях своих – два раза: по-латыни и поромейски. Писать отец велел. Всё, что за день сделал. Что и сколько. Арабскими цифрами. И каждый день прибавлять понемногу.

Сказал: сам увидишь, сын, как сила растет.

Илья видел. Теперь он может по сто раз подтягиваться без передышки. А чтоб за предел сил выйти, приходится груз пудовый цеплять. С грузом тоже батя придумал. И все упражнения, что Илья сейчас делает, – тоже он. И толкаться, и подтягиваться, и тулово во все стороны гнуть, тянуть, трудить.

Ну, довольно. Илья взялся за перекладину в последний раз, перехватился, завис над доской и медленно сполз прямо в ходунки. Расправил ремни, затянул пояс. Скоро Илья и без

доски сможет. Тут главное – одной рукой тело вверх подтянуть, а другой – ноги в ременные петли заправить. У Ильи уже выходит раз-другой на одной руке подтянуться. Так что скоро он сам в ходунки влезать сможет. Илья кликнул девку – чуни меховые обуть. Добрался до стола, записал, что сделано. Девка тем временем покушать собрала. Творог с орехами, зелень, белки яичные. С белками – это батя велел. Они с матушкой на каждый день все трапезы определили. Илья съедал, что велено. И сверх того. Живот требовал.

– Раздеться помоги! – скомандовал Илья девке.

Оставшись в одних лишь исподних портах, Илья двинул во двор. Подцепил крюком, приделанным к костылю, входную дверь, выбрался на крыльцо. Примерившись, толкнулся посильнее и махнул вниз, минуя лестницу. На землю упал не ходунками, а на костыли. Спружинил лихо, будто на ноги пришел. Прав батя, сказавши: руки у Ильи должны быть вместо ног. Должны и будут.

– Княжич!

Ярош. Староста моровский. А еще – военный вождь смердов здешних. Илья Яроша побил в священной роще. Теперь Ярош ему служит.

Спросил, как обычно:

– Не застудишься, княжич?

– Ништо! Поливай!

Могла бы и девка-холопка, да она из ведра поливать будет, а Ярош – могуч. Ему кадушка пятиведерная – не тяжесть.

Ледяная вода обожгла разгоряченное тело.

– Еще!

Хорошо. Батя сам так обливается ежеутренне и сыновей приучил. Еще одна из прежних привычек вернулась. Любо!

Илья огляделся. На подворье жизнь кипела вовсю. Артель присланных батькой из Киева мастеров вешала на железные петли новые ворота. Ворота – тоже из Киева. Настоящие, против осады.

«Будет в Морове не сельцо, а острог, – сказал Илье батя. – И быть тебе здесь – воеводой».

Илья бате не поверил тогда. Воевода – без ног. Смеху-то!

Может, зря не поверил?

Девка подскочила, принялась воду обтирать. Ей-то и в платье шерстяном, в меховой безрукавке зябко, а он – голый да мокрый. Застудится – ей перед княгиней Сладиславой ответ держать.

– Кулиба здесь? – спросил Илья.

– Нет его, – доложил Ярош. – Со вчерашнего. Как уехал, так и не возвращался.

Ярош Кулибу не то чтобы не любил – ревновал к нему. Считал, что он сам должен здесь распоряжаться. Не спорил, но… Не одобрял. Кулиба видел недовольство, но в голову не брал. Кулиба – гридень, да не просто гридень – сотню водил. А Ярош, хоть и бывший вождь военный радимичский, а всё равно смерд. Хоть телом велик и силой изряден, а Кулибе – не соперник.

Илье вспомнилось, как сам он когда-то сошелся с Ярошем в священной роще.

Тогда Илью радимичи врасплох застали. Может, в священной роще дело было, а может, и ведун радимичский Сновид постарался. Драться с радимичами в открытую Илья не рискнул. Не за себя испугался – за коня своего, Голубя. Вдруг побьют его лесовики стрелами, когда за хозяина вступится? И вспомнилось ему тогда вдруг, но к месту, как решают споры лесовики. Брат Артём рассказывал, как они, еще при Святославе Игоревиче, примучили[1] вятичей. По старинному языческому праву. По праву этому если спорили меж собой племена, то чтоб крови зряшней не лить, выставляли безоружных борцов-силачей. Кто победит – того и земля будет.

Вот и бросил Илья радимичам вызов по старинному обычаю. И главный меж ними, Сновид-ведун, вызов принял. И выставил против Ильи Яроша.

– Задавлю! – с ходу пообещал лесовик Илье.

Могуч Ярош. Телом велик. Едва не с батю, князь-воеводу Серегея, ростом. Но батя – варяг. И сила его – воинская, великая. Глянешь на него – и видишь всю славу его. Будто корзно[2] распахнул за князь-воеводой. Корзно, из перуновых молний сотканное. А Ярош – кто? Охотник-смерд. Ликом косматый, силой изряден. Однако быстр оказался – на удивле-

---

[1] Примучивать (*устар.*) – подчинять себе, покорять.

[2] Корзно (*стар.*) – богатый плащ, как правило, княжий.

ние. Илья против него – как соболь против росомахи. Но это – размером. А по сути Илья – воин. А воина сама земля ввысь подымает.

– Ты, – сказал Илья косматому лесовику, – задавить меня хотел. А сам в землю врос, аки дуб. Ждешь, когда желуди народятся?

– Счас ты у меня по-другому запищишь! – пообещал космач.

У лесовиков-радимичей как: вождь – он не правит. Правят старейшины да волохи. Вождь – воюет. Ярош оказался хорош. Для смерда. Не зря его вождем выбрали.

Могуч Ярош, быстр, опасен…

Но подлинного воинского обучения не прошел. А Илью варяги учили. И нурманы. И хузары. Рука у Яроша много сильней, чем у Ильи была, а побил всё равно Илья. Ему сызмала с теми бороться приходилось, кто вдвое крупней. Нос Ярошу разбил, ногу попортил, а потом и вовсе завалил наземь. Мог бы и убить – пяткой кадык расплющить, но пожалел.

– Моя сила взяла, – сказал Илья побежденному и убрал ногу с Ярошева горла.

Великан поднялся. Глянул свирепо, сверху вниз…

«Может, зря я ему кадык не разбил? – забеспокоился тогда Илья. – Вдруг тут до смерти положено биться?»

И на всякий случай приготовился увернуться, если лесовик попытается его схватить…

Не попытался. Прокосолапил к ведуну своему, Сновиду, который Яроша на бой благословил…

И остался Илья в священной роще один.

Ушли радимичи. Однако право на землю моровскую теперь было – Ильи. Вернее, отцово, потому что он, как и Ярош, был не старшим в роду, а выставленным бойцом. Ну да будь на месте Ильи батя, исход поединка не изменился бы. Пусть батя сед и изранен, а быть бы Ярошу биту. Батя небось и возиться не стал бы. Опрокинул одним ударом. Могуч потому что. А Илья что? Илья из трех сыновей князь-воеводы слабейшим был. И есть. И таким останется…

Илья нахмурился, гоня смурные мысли.

Что было, то и осталось. Ярош закон блюдет и служит победителю честно. Кулиба при княжиче моровском – вместо воеводы. А Ярош – староста. И это под его приглядом Моров нынче вырастает из обычного селища в крепкий городок с надежной крепостью и своей церковью на высоком холме. Строят, ясное дело, не здешние смерды, а присланные батей умельцы, но и у Яроша задача важная: дать зодчим всё, что может дать радимичская земля. И Ярош с этой задачей справляется. И смерды моровские – тоже под ним. И всё, что в Морове происходит, тоже Ярош ведает. И Илье верен, хотя нынче Илье Яроша нипочем не победить. Без ног-то.

– Ярош, гости на дворе постоялом есть?

– Есть, – кивнул здоровяк-радимич. – Торговые. Немцы. По-нашему не говорят, толмач при них. Поедешь, глянешь,

княжич?

– Поеду. Оденусь только.

Ехал Илья в особом возке. Его Илья сам придумал: с ручками удобными, чтоб с ходунков внутрь залезать. Подушку подложишь – и вообще сидеть хорошо. Илья мог бы сам и с лошадью справиться, но княжичу – негоже. Для этого холоп есть.

От острога до пристани – четыреста шагов. В прежние времена Илья добежал бы вмиг, не запыхавшись. Сейчас не ноги упражнял – руки. Пока ехали, гнул через спину древко простого охотничьего лука.

Десна – река важная. Судоходная. Потому и пристань в Морове красивая, удобная. Дерево на четырех новых причалах светлое еще – недавно ставлена пристань. А причалы – хороши. Высокие, широкие. С надежными столбами для крепления концов. У таких даже большим морским кораблям и встать удобно, и грузиться-разгружаться – милое дело. Люди для этого дела в Морове имеются. Примут, подтянут, мешки с шерстью подложат, чтоб борт к причалу мягко встал. Надо – примут груз и на склад унесут, под сторожу, чтоб гости торговые о сохранности не беспокоились и отдыхали в свое удовольствие. Надо – ремонт произведут. Хоть здесь, у причала, хоть на сухом берегу. И древесина добрая, сухая есть, и ткани для парусов.

Всё это батя придумал и денег вложил немало. Но выгода

уже видна. Даже Илье. За всякую работу торговые гости платят, не скупясь. Медью – грузчикам, серебром – за ремонт. А уж за яство-питье на дворе постоялом – и вовсе щедро. Купцы повеселиться любят. Жизнь у них такая. Не всякий домой возвращается, но если уж возвращается, то непременно с великой прибылью. Вот и думает купец: если уж жив остался да при деньгах, так живи весело.

Они и жили. Пили, ели, песни пели. С девками вдоволь валялись, но и умных бесед не чурались. И беседы умные Илья любил. Ему, привязанному ныне к Морову, очень интересно было, что в большом мире происходит.

Гости ныне в Моров пришли не из бедных.

У пристани – насады большие, числом пять. И два корабля-кнорра нурманской работы. Надо думать, на них гости торговые и пришли.

Постоялый двор над пристанью – хорош. Просторный, в два этажа, с тыном высоким. За тыном – склады, конюшня. Захочет, к примеру, какой-нибудь купец верхом прогуляться – пожалуйста. А пожелает дальше не водой, а сушей идти – тоже легко. И лошадки есть, и возы.

Лошади у отца тоже свои. И для рабочих нужд, и для воинских. А хочешь – никуда не ходи. Здесь товар отдай за справедливую цену. Или купи, что нравится.

Мыто князь Моровский брать права не имеет. Так князь киевский Владимир решил. А поторговать – почему нет? И торгуют. Беспошлинно. И ночуют-отдыхают. Всяко дешев-

ле, чем в стольном Киеве, а кормят лучше. Вино-пиво-меды, кому что нравится, – в избытке. И девки, чтоб постель греть, тоже имеются.

Площадью постоялый двор – побольше крепости-острога, в котором Илья живет и дружина обитает, когда не в походе. Но в острог батя чужих пускать не велел.

Сказал: если гости переночевать захотят, будет где. А в острог чужим – нечего.

Тоже верно. Иной раз под здешней крышей до двухсот человек собирается. Однако сегодня – поменьше. Илья прикинул: десятка по два-три – с кнорров, а с трех насадов – дюжины полторы. До сотни не наберется.

Илья выбрался из возка, велел холопу ждать и запрыгал на ходунках к крыльцу, еще снаружи пытаясь понять: на каком языке внутри орут? А орали громко. Как обычно.

Снаружи не угадал, только внутри. Гости оказались данами. Это значило, что толмач Илье не нужен.

В свои годы Илья уже много где успел побывать. На многих землях словенских, что Киеву данью кланяются. В Тмуторокани и окрест ее, когда жил у родичей-хузар. На море варяжском у князя белозерского. Там, кстати, и научился понурмански болтать. Еще в Великом Булгаре Илья побывал. Едва в беду там не угодил, но Бог миловал. И на Червенской земле был, которую Владимир у лехитов отбил. Даже у ромеев пожил немного. Правда, не в столице их заморской, а в Херсонском номе. Кабы не обезножил – так, может, и в Ше-

маху с братом Богуславом поехал бы. Или еще куда.

Теперь Илье из Морова в большой мир хода нет. Но если большой мир сам приходит к тебе, глупо упускать такую возможность.

Когда Илья на ходунках появился в трапезной, внимание на него обратили не сразу. За столами – без четверти сотня народу, и у каждого внутри – по четверть ведра хмельного, музыканты наяривают, пара скоморохов кувыркается – народ веселит. Шумно. Весело.

Старшие купцы, двое, сидели отдельно от остальных, за своим столом, поближе в выходу, где воздух посвежее. Они и увидали Илью первыми. Уставились: мол, что еще за чудище такое восьминогое? Точно не побирушка. Одет богато.

Толмач подсуетился, шепнул: гридень это, в бою покалеченный. Да не просто гридень, а сын самого князь-воеводы Серегея. Услыхав сие, два старших дана тут же поднялись Илье навстречу и с подобающими уважительными словами предложили разделить с ними трапезу. Смешно, конечно – приглашать за стол хозяина стола, но Илья чиниться не стал, пристроился на торце, где скамьи не было. Ему тотчас принесли доску специальную и миску, в которую один из данов, собственноручно, положил и мясца, и хлеба белого. Пива тоже налил. Засим даны немедля подняли тост за князь-воеводу Серегея.

Илья с удовольствием окунулся в общее веселье. Даны пировать любят, и на пиру с ними интересно. Они и песни петь

мастаки, и сказы сказывать, а уж если сами воины или гости торговые (у данов, как и прочих северян, это, считай, одно и то же), то есть – люди бывалые, то слушать их можно долго…

А нынешним гостям рассказать было что. Причем не о земле датской, а о делах почти своих. Новгородских.

Потому что пришли купцы датские в Новгород как раз в ту пору, когда явились туда же посланцы Владимировы: стрый[3] его Добрыня и воевода верный Путята. Да не одни явились посланцы, а с гридью. Не за данью, хотя дань тоже взяли, а с делом государственным: обращать Господин Великий Новгород в веру Христову.

[3] Дядя по матери.

Глава 3

Великий Новгород. «В Волхов христиан!»

Новгород шумел.

Дело обычное. Новгородское вече часто шумит. Пошумят, подерутся да и разойдутся по своим концам.

Но не сегодня. Давненько у них не было такого единения. С тех пор как решили поддержать князя Владимира Святославовича против полоцкого Роговолта, а после – против Киева.

«За старых богов!» – кричало тогда вече в изумительном единении с Владимиром и дядей его Добрыней.

А теперь что ж получается? Слух прошел: возвращается в Новгород Добрыня и ведет с собой гридь киевскую. И для чего? Чтоб старых богов порушить и поставить вместо них Христа Распятого, коему в Киеве нынче кланяются!

Не бывать тому!

– Пусть они у себя в Киеве хоть псу шелудивому жертвы кладут! А нас не тронь! – орал, надрывая глотку, тысяцкий новгородский Угоняй. – Лучше нам помереть, нежели богов наших дать на поругание!

– Не бывать тому! – ревело вече. – Добрыню в город не пущать! Бить киевских!

– Разметать капища христианские! – возвышал голос над людской толпой главный из жрецов сварожьих Богомил Соловей. – Пожечь все!

– Пожечь! – рычало вече. – Р-разметать!!!

– Детинец княжий взять! – завопил Угоняй. – Порушить всё! Не быть у нас князю, что против богов наших родовых, исконных, от пращуров! Бить и жечь!

– Бить!!! Жечь!!! – ревело вече.

– Дом Добрынин знаешь где? – Угоняй наклонился к племянникову уху, повышая голос, чтоб перебить рёв веча. – Бери верных людей да беги туда! Пока мы тут глотки рвём, вычисти дом Добрыни!

– А ну как узнает Добрыня, что мы его обнесли? – крикнул в ответ племянник. – Беда будет!

– Не узнает! – махнул рукой Угоняй. – Людь новгородская сначала Детинец громить пойдет, а потом и на дом воеводы непременно набежит. Вот на нее убыток и спишется!

– Бить!!! Убивать!!! – гремело вече.

– Ты, главное, вот что, – наставлял племянника Угоняй. – Главное – чтоб видаков не осталось! Понял? Ну так беги, не теряй времени, не то опередит кто!

* * *

– …Пограбили тебя. – Холоп глаз на Добрыню не поднимал, глядел на острые кончики воеводиных верховых сапог –

в лицо смотреть было страшно. – Весь дом разнесли, челядь побили…

– Жена моя, дочь, племянники? – Голос воеводы скрипит, будто жернов ворочается.

– Тож… – пробормотал холоп. – Всех. До смерти.

– А вы где были?

– Много их пришло, – еле слышно проговорил холоп. – За сотню. И не смерды – вои. Наймиты. Через забор перелезли и как пошли бить-рубить.

– А ты почему жив? – Голос Добрыни – будто сталь холодная в мясо входит.

– Мне женка твоя велела за подмогой бежать. В Детинец.

– Побежал?

– Побежал.

– Ну?

– Так на Детинец тож насели. Людь новгородская. Тыщи. Всё запружили кругом. Я – обратно, а там уже всё. Побили всех.

– Сам видел?

Холоп кивнул.

– Казни меня, господин! Всех побили, всех! – повалился Добрыне в ноги и зарыдал.

Воевода пихнул его ногой.

– Встань! – рявкнул он. Ухватил холопа за ворот, поднял одной рукой. – Что мне проку с тебя, мертвого? Говори: узнал кого из разбойников?

– Узнал… – пробормотал холоп, давясь слезами. – Тысяцкого Угоняя племяш…

– Порвать! – прорычал воевода киевский Путята. – На колы всех! Живые мертвым обзавидуются!

– Помолчи! – неуважительно оборвал старший воевода младшего. – Скажи мне, раб, когда ты убегал, Детинец пал или стоял еще?

– Стоял, господин.

Добрыня разжал пальцы, и холоп кулем повалился к его ногам.

– Увести, накормить, не обижать, – бросил Добрыня гриди.

Отроки подхватили беглеца и уволокли.

– Не казнишь его, батько? – спросил Путята.

– Награжу, – сухо произнес Добрыня. – Сумел спастись и весть донести не побоялся. Казнить будем тех, кто кровных моих побил и на княжье покусился.

Весть о смерти жены и остальных не особо огорчила. Жена – здешняя, новгородская, взятая, чтоб с купечеством новгородским породниться, еще когда Владимир в Новгороде княжил. Ее не жаль. Добра – тоже. Мелочь. Но спускать нельзя, и Добрыня не спустит.

– Так я поднимаю гридь? – полуутвердительно спросил Путята.

– Нет!

– Но почему? – искренне удивился воевода.

– С нами – тысяча воев киевских, – напомнил Добрыня. – Да ростовских – полтысячи. Этого довольно, чтобы привести к Христу *покорный* город. Новгород же не таков. Они драться будут.

– Ну так пошлем за подмогой! – воскликнул Путята. – В Полоцк пошлем! В Смоленск! Да хоть в Киев! Поучим смердов покорности!

Дядя великого князя Киевского глянул на Путяту. Долгим таким взглядом. Как бы даже с сожалением. Преданный человек, но иногда… такой дурень.

– Что, батько? – не выдержал, смутился воевода. Никого он не ставил над собой: только двоих – князя Владимира и Добрыню. Причем Добрыню – выше. Это Добрыня привел его, смоленского сотника из полян, к племяннику, сказавши: «Возьми его, не пожалеешь!»

И Владимир взял. По слову Добрыни. Сам бы – вряд ли. Потому что в те времена кланялись они разным богам: Владимир – варяжскому Перуну, а Путята – Сварогу полянскому. И сколько б ни говорил Владимир о «старых богах», но видел тогда Владимир Перуна старшим над всеми богами, а варягов – старшими над всеми языками: полянами, древлянами, сиверянами, уличами и прочими.

Добрыня – тот сам полянин. Ему Путята верил как себе. Дальше больше, чем себе, потому что знал Путята, что его собственная храбрость да пылкость часто впереди ума бегут, а Добрыня – мудр. Иной раз был Путята пред Добрыней – как

отрок дерзкий, несмышленый. Стыдно. Но терпел. Вместо отца держал Добрыню.

– А то! – проворчал князев стрый. – Войну затевать с Новгородом – дело неумное. Кабы хотел я их побить, не тебя, а ярлов – Сигурда и Дагмара – взял. Этим резать – весело, и обида новгородская не на нас, а на нурманов легла бы. А уж на нурманов им обижаться – привычно. Однако верно сказал князь-воевода Серегей: побьем смердов – кто дань платить станет? Зачем резать овцу, которую можно стричь? Не в том хитрость, Путята, чтоб побить смердов, а в том, чтобы в овин загнать.

– Они твою родню убили, а ты будешь с ними договариваться? – изумился Путята.

– Жену с дочкой жаль, – согласился Добрыня. – Но убивали их не все новгородцы разом, и потому казнить всех ни к чему. А виновных мы знаем и накажем. Но не это главное, Путята. Не за этим мы приехали, ты не забыл?

Воевода согласно кивнул. Обратить Новгород к вере великого князя – вот их цель.

Детинец удержался. Главным образом потому, что, обломав первые зубы о его стену, толпа бросилась грабить дома христиан. Это было куда веселей, чем лезть на стену под стрелами немногочисленной, но умелой княжьей дружины.

Разграбили многих. Пожгли церкви, в том числе и самую большую – Преображения Господня. Да, весело было…

До той поры, пока не прошел слух, что Добрыня уже здесь. Вышел на правый берег Волхова, и уже на Торгу его воины числом до пяти тысяч копий. Молва склонна преувеличивать. Вот уже по мосту Добрыня идет. Сейчас перейдет Волхов – и изойдет кровью Новгород.

Слухи, однако, опять наврали. Дружина Добрыни еще только подходила к мосту через Волхов, когда оружное новгородское ополчение уже встало поперек в готовности. Даже боевые машины подкатили: самострелы большие, снятые со стен. Будто не Добрыня по ту сторону Волхова встал, а какой-нибудь вражий конунг нурманский.

Вышли Добрыня и епископ Иоаким с новгородцами говорить, а те вместо разговора – камнем из самострела.

Промахнулись. Однако ясно дали понять: переговоров не будет. С версту слышно, как на левом берегу орали: «Не дадим отчих богов порушить! В реку христиан и киевлян!»

– Вот и поговорили, – произнес Путята, с тревогой глядя на перекрытый мост. – Что теперь, батько? Силой брать будем?

– Придется, – мрачно проговорил Добрыня.

До последнего надеялся новгородцев вразумить. Все же знали его здесь. И не один год, и не десять. До сей поры умел Добрыня с новгородским норовом управляться.

– На мост – нельзя, не пустят, – заметил Путята. – Не зря они самострелы приволокли и камней такую кучу, что отсюда видать. – Сунемся – так врежут! Мало не покажется!

– Бог нам в помощь! – заявил епископ Иоаким. – С Ним – победим!

Был Иоаким хоть и ромеем, но херсонским, потому по-словенски говорил свободно.

– Так, может, пойдешь, владыка, да и вразумишь язычников? С Божьей-то помощью? – язвительно бросил Путята.

Воевода хоть и принял Христа, но настоящей веры в нем не было. Говорили о нем: и старых богов не забывает. Потому и взял его с собой Добрыня – новгородских кумиров низвергать. После Новгорода не будет у Путяты другой дороги, кроме Христовой.

– И пойду! – воскликнул епископ.

Он и впрямь вознамерился в одиночку новгородцев вразумлять, но Добрыня не пустил:

– Тебя убьют, владыко, и что дальше?

– Я смерти за Веру Истинную не боюсь! – воскликнул епископ.

– Я в этом не сомневаюсь, – сказал Добрыня. – Да только сейчас в тебе гордыня говорит, а не вера.

– Это почему же? – выпятил бороду пастырь.

– А потому, что мнится тебе мучеником за Христа помереть! И помрешь. А кто тогда Новгород крестить будет? Нет уж! Успеешь в Царство Божие попасть. Сначала земной долг свой исполни!

– Так не хотят они креститься! – воскликнул епископ.

– Сегодня не хотят, завтра умолять станут, чтоб ты их в

Истинную Веру обратил, – заявил Добрыня. – Это ж новгородцы. Знаю я их. Побуянят и образумятся.

– Ой ли? – усомнился Иоаким.

– А ты не ойкай, владыко! – строго сказал Добрыня. – Сказал, образумятся, значит, так тому и быть. А для ускорения сего мы с воеводой Путятой вразумим их немного.

– Это как же?

– А тебе, владыко, сие знать ни к чему, – отрезал Добрыня. – Иди да помолись Господу за души наши, а с делами воинскими мы и сами управимся.

– Придумал что, батько? – с надеждой спросил Путята, когда епископ ушел.

– Да тут и думать нечего, – махнул рукой Добрыня. – Как стемнеет, возьмешь лодки, переправишься с ростовцами на ту сторону, войдешь в город, возьмешь Угоняя и прочих крикунов и сюда переправишь. А если не угомонятся новгородцы, укроешься в Детинце. И тогда пусть хоть десять тысяч против тебя исполчат – без толку. Однако надеюсь: до того не дойдет. Одумаются. Сделаешь?

– Попробую, – не слишком уверенно произнес Путята. Он был храбр, но соваться на левый берег с одной лишь полутысячей да еще не киевлян проверенных, а ростовцев, казалось ему затеей сомнительной и опасной. – А почему – с ростовцами?

– А чтоб вас за своих приняли, – пояснил Добрыня. – Наших-то, киевских, сразу опознают, а ростовские от новгород-

цев отличаются мало. Что с лица, что по оружию.

Так и сделали. Но вышло не так гладко, как думал Добрыня.

Но о том, что было дальше, Илья услышал уже не от данов, которые все время новгородских художеств[4] на своем подворье просидели, а после слухи собрали, а от того, кто сам всё видел, и не только видел, но и дело делал. От Улада, сына Драя-полочанина. Улад сначала под братом Богуславом в гриднях ходил. Потом великий князь Драя тысяцким в Ростов отправил, и Богуслав Улада тоже в Ростов отпустил. Сотником. С Ильей Улад был не то что знаком – больше. Горсть соли вместе съели, сражались бок о бок и едва не погибли на вятицком капище. А Кулиба Уладу и вовсе родичем приходился. Так что не удивительно, что Улад, будучи в Киеве, в Моров заехал. Не один, впрочем, а с батюшкой Серегеем, который привез Илье подарок. Да такой, о котором калеке только мечтать!

[4] В те времена слово «художества» к рисованию отношения не имело, а происходило исключительно от слова «худо».

Глава 4

Моров. Роскошный подарок

– Вижу, вижу, что даром времени не терял, – пробасил князь-воевода, одобрительно глядя на сына. – Аж в плечах раздался!

– Старается, – похвалил подопечного Кулиба. – От зари до зари трудится. Давеча вон деревяху боковую сломал, так мы новую приладили. Потолще.

– Ты, бать, глянь, как я могу! – гордо воскликнул Илья. Ухватился за держалку, подтянулся чуток *одной рукой*, а другой заправил непослушные ноги в кожаную люльку ходунцов. – И вот так могу! – В три прыжка-толчка достиг печи, развернулся проворно, на одном костыле, – и обратно. – И на улице от тебя не отстану, если шагом пойдешь! Показать?

– А покажи! – усмехнулся Сергей Иванович, глядя на сына с ласковой улыбкой.

Три месяца назад он соорудил Илье тренажерный комплекс, такой, чтоб Илье было удобно грузить все мышцы. Все, которые работали. Он не особо надеялся на результат. Считал, что главное – дать парню цель, чтоб от горя не зачах. Но добиваться цели Илюшка умел как никто. Парень

до увечья на мускулатуру не жаловался. Естественно. Уже в тринадцать мог с любым гриднем из Духаревской дружины потягаться. Не факт, что победил бы, но попотеть заставил. Теперь же, всего лишь после трех месяцев тренировок, такие мышцы нарастил! Не меньше чем у старшего брата Богуслава. А Богуславу – за тридцать, он в самой, что называется, мужской поре. Вон недавно шкуру коровью на спор голыми руками разорвал. Спознался у азиатов с каким-то мастером то ли ушу, то ли кун-фу, и тот его обучил всяким захватам-вывертам. Зачем это воину такого уровня, как Богуслав, Сергей Иванович не понял. А когда спросил у сына, тот ответил, что в чужих землях не везде с оружием пускают. В иных местах даже нож отберут на всякий случай. Духарев с резоном согласился.

Илья открыл дверь костылем, пропустил Сергея Ивановича вперед, подождал, пока тот сойдет с крыльца, а потом спрыгнул сам… И остановился.

– Это что, батя?

У крыльца стояла небольшая кобылка. Но дело было не в кобылке, а в том, что у нее на спине.

– Познакомься, сын, – сказал Сергей Иванович. – Ее зовут Шуша. Ты не гляди, что на вид неказиста. Для начала тебе – в самый раз. Наловчишься – тогда и до Голубя дело дойдет. Само собой, тебе его переучивать придется, но ты справишься! – Улыбка вновь приподняла седые усы князь-воеводы. – Дай-ка я тебе помогу…

Князь-воевода взял сына под мышки и водрузил на спину кобылки.

– Вот эти ремни вот так затягиваешь, – показал он. – И всё. Такое у тебя теперь седло, сынок. Не седло, а трон княжеский. И захочешь упасть – не получится. Направлять лошадку придется руками и поводьями, но ее уже приучили немного, так что тебе будет легче. Пошел! – И хлопнул кобылку по крупу.

Илья качнулся с непривычки (ног-то нет), уперся рукой в седло… А батя был прав: упасть в такой «сбруе» было невозможно. Кобылка с рыси перешла на шаг, покосилась на всадника: может – в стойло?

– Ах ты лентяйка, – ласково проговорил Илья.

Повинуясь поводу и легкому касанию плети, кобылка вновь перешла на мелкую тряскую рысь.

«Как бы ей спину не сбить…» – озабоченно подумал Илья.

Утоптанная, тронутая инеем земля подворья убегала назад. Илья поддернул повод, разворачивая кобылку в сторону открытых ворот… Но остановился. Другая мысль пришла ему в голову.

Подъехав шагом к Сергею Ивановичу, Илья попросил:

– Бать, лук мне дай. И стрелу.

– Дай ему, что просит, – велел князь-воевода дружинному отроку.

Тот вынул оружие из налуча, хотел накинуть тетиву, но

Илья не дал:

– Я сам!

Надеть тетиву на лук – дело непростое. Боевой лук для степной охоты – сильный. Обычно так делают: упирают нижний рог в землю и, оборотив через ногу, гнут-тянут спиной изо всех сил, чтоб набросить тетиву на верхний рог. Еще год назад Илье едва хватало веса, чтоб это сделать. Сейчас, без ног, это казалось и вовсе непосильной задачей. Но Илья уже придумал, как поступить. Нацепил петлю на большой палец десницы, упер один рог в седло, взялся двумя руками, перехватился левой поближе к верхнему рогу, повис всей тяжестью. Лук едва не выскользнул, но Илья удержал, и сам удержался на изогнувшемся луке, накинул правой петлю и, вновь перехватившись, мягко опустился в седло. Есть!

– Ловко! – похвалил кто-то из отцовой гриди.

– Стрелы! – крикнул Илья, и тот же отрок сунул ему в правую руку три легкие охотничьи стрелы.

– Возьми, сын! – Батя протягивал Илье синдское колечко из слоновой кости. Его, Ильи, колечко! Сохранил, значит. Верил, что пригодится.

У Ильи едва слезы из глаз не брызнули. Но сдержался. Поблагодарил кивком, чтоб голос не дрогнул, надел кольцо на большой палец десницы, зацепил тетиву с уже наложенной стрелкой, огляделся, выискивая мишень. Тело дернулось, но привстать на стременах, понятно, не получилось. Ног нет, нечем упираться. Ну да это не беда. Старый Рёрех учил его

бить по-всякому. И стоя на бревне, и сидя, и лежа, и в прыжке, и даже свесившись с ветки вниз головой. Эх!

Илья засмеялся счастливо, откинулся и метнул все три стрелы, одну за другой, в кружившегося над подворьем коршуна. Все три попали, хотя две были лишними – коршун был сбит первой же, остальные прошили уже падавшую птицу.

Прав, прав батя! Воин – это не ноги. Воин – это в крови. А еще воин сам мстит своим врагам. И он отомстит. За себя и за Фроди. Имя врага ему известно. Соловей.

Кстати, а не тот ли это Соловей новгородский, о котором говорили даны?

Глава 5

Великий Новгород. Огненное крещение

Оказалось – нет, не тот. Того Соловьем не за певучие стрелы прозвали, а за речи сладкоголосые.

– Это новгородский сварг главный, – пояснил Улад. – Начнет, бывало, говорить – заслушаешься. За то его Соловьем и зовут. То есть – звали.

– Убили вы его? – спросил Илья.

– Бревном задавило. Как вечевики на Детинец всей толпой полезли, так эти, сварги, впереди были. Орали, мол, любит их Сварог и от смерти оборонит. А он их себе забрал. Верно, и впрямь приглянулись…

* * *

Возглавляемые Путятой ростовцы высадились на левом берегу уже затемно. Проникнуть в город труда не составило, хоть и народу неспящего было, считай, как днем. Веселились новгородцы. Костры жгли, ели-пили в охотку. Кто – с добычи. Кто – с того угощения, что старшина выставила. Иные продолжали грабить дома христиан. Из тех, кто от-

биться не смог. А под шумок – не только христиан. Никто разбою не мешал: сторожа городские, из боярских да ремесленных, обороняли только своих, а княжьи из Детинца носа не казали. К ним больше не лезли. Пока не лезли. До времени. Потрошили тех, кто попроще.

Пиво, да меды, да калачи на улицах раздавали за так. Ростовцы тоже… подкрепились немного. Их за своих приняли. Прав оказался Добрыня.

Не войском, а толпой шли по городу. Прямиком к подворью тысяцкого Угоняя.

На подворье Угоняя праздника не было. Но и не спали. Дворня суетилась вовсю. Как муравьи в большом муравейнике. Еще бы. До сих пор с десяток телег неразобранными стояли. Неплохо подогрелся тысяцкий на справедливом бунте. Больше всего взяли в доме Добрыни, но и серебряная утварь из церкви христианской тоже к месту пришлась. Жаль, недодавили Детинец, но завтра – непременно…

Сложить христианское серебро в сундучок Угоняй не успел. Шум снаружи усилился, да как-то не так, неправильно.

Тысяцкий хотел выйти, глянуть, что там за беспокойство… Не успел. Беда пришла сама. В облике наймита-свея со стрелой в боку. Свей только и успел, что дверь растворить, – и повалился на пол, пятная кровью шемаханский ковер.

А за своем вошли трое. Угоняй схватился было за нож, но убрал руку. Узнал.

– Не ждал, злодей? – оскалился Путята. – Берите его, гридь. Да поосторожнее. Добрыне не понравится, если этакий товар ему попорченным поднесут.

Тут Угоняй снова схватился за нож, но зарезаться не успел. Перехватили, спутали, как овцу для заклания, пихнули в рот рушник, стряхнув на пол серебряные вещицы, и поволокли Угоняя наружу.

А снаружи воев чужих – больше, чем дворни. И вся ближняя родня Угоняя повязана гуртом.

– На телеги их, – скомандовал киевский воевода. – Прикройте чем-нибудь и пошевеливайтесь! Дел у нас еще – выше теремной крыши.

– Пятерых тогда взяли, – рассказывал Улад. – Лучших людей новгородских, кто громче всех против Христа орал. Прямо в домах и взяли. Повязали и переправили на правый берег, к Добрыне. А тот сразу допрос учинил. И к утру всех, кто его дом грабил или церкви рушил, казнил без пощады. Остальных оставил до времени, потому что новгородцы, узнав поутру, что с их боярами сотворили, разгневались сильно и несметной силой пришли Детинец брать. Ну а мы их там и встретили как положено.

Толпа у Детинца собралась несметная. Никак не меньше шести тысяч. Вдесятеро больше, чем защитников внутри.

Кабы не Добрыня со своими, не устоял бы Детинец. А так – хорошо получилось. Пока вся оружная людь Новгорода под Детинцом копилась, Добрыня с остальными киевскими воями реку переплыл и дома у реки поджег, прикинув так, чтоб огонь мимо Детинца пошел.

– Тут уж новгородцам стало не до бунта, – рассказывал Улад. – Пожар не остановить – город дотла выгорит.

Илья их понимал. Новгород – весь деревянный. Даже дорожки для ходьбы на улицах деревом выстланы. Займется – вспыхнет как трут.

На площади перед Детинцом вмиг опустело. Только мертвые да раненые, кто встать не мог, остались.

А тут и Добрыня пожаловал. С гридью. И с пленными. С которыми уже и ряд уложил: от старых ложных богов отречься ради Христа. А он за то не будет город зорить[5] и новгородцев бить. Ряд же лучшие люди новгородские еще до переправы подписали. Поглядели на Угоняя с племянником, на колы посаженных, – и подписали.

– Крестили всех по обычаю – в реке, – рассказывал Улад. – Мужей – выше моста, жен – ниже. А потом повели глядеть, как идолов рубить будут. Ох и кричали они, ох и плакали! А Добрыня им: «Какую пользу вы от богов сих чаете, ежели они сами себя оборонить не могут?» И тут наш Перун себя показал: упасть упал, да так, что троих отроков Путятиных придавил. А Перун тот не из дерева был, а из дикого кам-

[5] Зорить – разорять дотла, опустошать, предавать огню и мечу. (*Прим. ред.*)

ня вытесан. Так что одного – сразу насмерть, а двоих покалечило сильно. А говорили же Путяте: дай нам, варягам, с Молниеруким обойтись. Мы б его с вежеством уложили. А вы, поляне, со своими управляйтесь. – Улад хмыкнул. – Так Добрыня в ответ: нет более ни полян, ни варягов. Есть княжья русь да Единый Бог Иисус Христос. Ну коли так, то и удивляться нечего, что последнюю жертву Молниерукий сам взял. Разбить его полянские так и не сумели, и когда вниз, к реке волокли, Молниерукий оружье каменное отбросил, да так, что оно великий мост проломило и в воду кануло.

– Знаменье, – пробормотал Кулиба. – Не быть, значит, миру меж двумя новгородскими берегами. Будут теперь на сём мосту извечно биться во славу Перунову.

Илья поглядел на батю. Князь-воевода усмехался, но както невесело. Неужто Перуна жаль? Может быть. Батюшка ведь тоже варяг, хоть и христианин.

– А потом люди Добрыни по слову епископа по домам пошли, – продолжал сказ Улад. – Искали тех, кто Святого Крещения избежал, брали и гнали к реке, Иоаким со священством их ждал и к Истинной Вере приводил.

Илья увидел, как князь-воевода недобро хмурится, и не удержался, спросил:

– Батюшка, что не так?

– Нельзя к Богу силой вести, – проворчал Сергей Иванович. – Новгород и раньше нам другом не был, а теперь врагом станет.

– Да куда им против руси! – не согласился Улад. – Мы их били всегда и еще побьем, если хвост напружат!

– Да ну? – Сергей Иванович приподнял бровь – А ты не забыл, часом, откуда в Киев Владимир пришел?

– Так то Владимир! А то…

– Не спорь! – рыкнул на сотника Кулиба. – Князь тебя старше вдвое, а умнее вдесятеро! Думаешь, батько, беду на нас Путята с Добрыней накликали? Владимир ведь тоже народ киевский собственной волей крестил.

– Может, и обойдется, – вздохнул Сергей Иванович. – Владимир великое дело сотворил. Может, по-другому и нельзя было народ наш крестить, да только Владимир город не жег и кровь не проливал, как Путята с Добрыней. Эх! Надо было ему не Добрыню, а Сигурда послать. А то и самому пойти. Тогда б новгородские противиться не рискнули. И родня Добрынина жива была.

«Хотя вряд ли он сильно опечалился, – подумал Сергей Иванович. – У княжьего дяди таких жен – по числу имений. А имения у него, считай, в каждом большом городе».

Другое хуже: Новгород и раньше с Киевом враждовал, а теперь киевлян там вообще возненавидят. Надолго. И любую смуту поддержат, если она – против Киева. И против Владимира.

Но вслух он другое сказал:

– Кто знает, для чего нам Бог беды шлет: для того, чтоб от больших бед удержать, или – для нашей крепости испы-

тания?

Илья так и замер, не донеся кусок до рта. Батя вроде бы просто так сказал, для всех, а показалось – лично ему.

– А тебя, князь-воевода, Путята ой не любит! – продолжал между тем Улад. – Добрыне жаловался, тебя хулил: мол, всю торговлю княжью под себя забрал, никто мимо тебя ни на восход, ни на заход не ходит.

– А что Добрыня? – усмехнулся Сергей Иванович.

– Велел Путяте в чужие лари нос не совать.

Сергей Иванович кивнул. Все правильно. Изрядная доля княжеских товаров идет через торговый дом «Духарев и его родня». Но – выгодно. Товары Сергей Иванович берет по хорошей цене. Немногим ниже, чем дали бы за них на подворье монастыря Святого Маманта, где по договору русам было положено жить и торговать. Получить все сразу, сполна и без малейшего риска. Чем плохо? А что сам Сергей Иванович, как спафарий имперский, на которого торговые ограничения не распространяются, продаст меха, воск и прочие ценности куда дороже, чем купил… Ну так это его право.

Но вслух ничего этого князь-воевода Моровский не сказал. Была ведь и другая правда.

– Путята на наш род давно зуб точит, – произнес он. – Напасть боится, так исподтишка куснуть норовит. И всех, кто нам недружен, привечает. Вот как боярина Семирада, к примеру.

Илья уже знал, что Семирад – из батиных недоброжелате-

лей. Хотел с батей по торговым делам пободаться – получил по рогам. Хотел замириться: взять в жены Лучинку, которая тогда не была еще женой брата Богуслава – от ворот поворот. В общем, везде, где мог, старался Семирад бате нагадить. Батя только усмехался. Говорил: врага надо знать в лицо.

Хотя какое у Семирада лицо? Рыло свиное. Да ну его!

У Ильи в голове все крутились батины слова о бедах и испытаниях. Что ж такого ему сделать, чтоб ноги вернуть?

Глава 6

Моров. Брат Богуслав. Синдское искусство

– Стой! – скомандовал Илья, и Голубь встал как вкопанный. Илья вовремя откинулся назад, удерживая равновесие. Шагов сто. Отсюда кабаний выводок казался мелким, будто стайка мышей. Однако на белом, присыпанном первым снежком склоне Илье виден каждый зверь: подсвинки, свиньи, секач. Если бы Илья охотился ради мяса, начал бы с подсвинков, но нынче его главная цель – секач. У секача под шкурой калкан – покрепче иной брони. Считай, воин среди зверья. Слабой рукой такого не завалить.

Илья прикинул: кабаны выше его локтей на тридцать. Снежок сыплет, но совсем меленький. Пыль, а не снежок. Не помешает. Ветер – чуть-чуть, навстречу. Тоже хорошо. Запахи и звуки относит. Илья вынул из тула три стрелы. Одну – боевую, с узким граненым наконечником, – уложил в гнездо тетивы. В том, что попадет, Илья не сомневался. Его лук и на двести шагов бьет уверенно, а тут – вдвое ближе. Вопрос: *как* он попадет. Илья подцепил колечком тетиву, выдохнул, вдохнул… раздернул лук во всю мочь.

Стрелка пошла ровно. Не зря Илья ежедневно не меньше трех сотен выстрелов делает. Наловчился туловище прямо

держать.

И сразу за бронебойной – вторую и третью. Это уже – срезы. Для подсвинков.

– Вскачь! – крикнул Илья, бросая лук в налуч. Голубь сорвался с места. Куда скакать – сам догадался. Илья пригнулся, упершись руками в луку. Пожалуй, так он мог бы удержаться и без хитрого отцова седла. Если понадобится.

Голубь домчал вмиг. Кабанов и след простыл. Кроме трех. Все три стрелы нашли цели. Подсвинки были еще живы, барахтались, пятная кровью снежок. А вот матерого секача Илья положил сразу насмерть. Стрела вошла в глаз едва ли не по оперение. Кабан где рыл, там и лег.

Подскакали радимичи. Тут же спешились. Один ухватил секача за переднюю ногу, оттянул, чтобы второй мог в сердце ударить, кровь слить.

– Стрелу мне не поломай! – строго произнес Илья.

Хорошая стрелка, проверенная. Такая дорого стоит. Иной раз – жизнь.

Когда въезжали в Моров, Илья еще на подходе увидал, что у пристани судов прибавилось. И среди прочих – морской драккар, который как раз швартовался у пристани, – работники только-только мешки с шерстью бросили, чтоб красавец-корабль бока не оцарапал. Э-э-э! Это ж не просто драккар – родной кораблик. С батиным «Морским конем» на парусе и страшным змеем-драконом на носу. Другого такого

не было ни у кого: ни у нурманов, ни у варягов, потому что привез его брат Богуслав с самого дальнего Восхода и в отличие от нурманских фигур не снимал никогда. Пусть враги боятся, а свои и так знают стяг князь-воеводы Серегея.

Брат! Брат приехал!

– Подсвинков – на стол, секача – псам и челяди! – крикнул Илья сопровождающим, а Голубь уже нес его вниз, к пристани.

Поспел как раз, когда брат перемахнул через борт.

Илья голосом осадил жеребца, сумев ровно удержаться в седле:

– Славка!

– Илюха!

Старший брат ухватил Илью за предплечья, благо, роста ему хватало.

– В седле! – проговорил он восхищенно. – Отец говорил, да я не поверил! Илюха! Годун!..

Илья увидал, как заблестели от слез глаза брата. Он и сам… обрадовался.

Сглотнув ком в горле, произнес солидно, как положено хозяину:

– Устал небось с дороги-то? В баньку или покушаем сначала? Я двух свинок подбил нынче. Велел к столу готовить.

– Какой – устал? – засмеялся Богуслав. – Веришь, за целый день за весло ни разу не подержался. Зато пук перьев сгубил, пишучи. Сам-то грамоту не забываешь? – Последний

вопрос Богуслав задал по-ромейски.

– Не забываю, – тоже по-ромейски ответил Илья, гордясь столичным «патрицианским» выговором, коему научил его привезенный из Константинополя педагог. – Ты как, один или со своими?

– Один. Лучинка тебе поклон передавала. Хотела со мной, да мама не отпустила. Дела у них важные. Обещались, как снег ляжет, вдвоем приехать. И батюшка с ними. А ты крепок, братец! – похвалил Богуслав, с силой сжимая Илюхины руки.

– Да и ты не слаб! – усмехнулся Илья. Хват у Богуслава – болючий, но Илья и виду не подал.

– Соколик! – крикнул Богуслав. – Ты распорядись тут, да в крепость с нашими приходите. Брат на угощение зовет!

– Здравия, княжич! – махнул рукой Соколик, знакомый Илье еще по батиной гриди. – Благодарим!

Илья тоже хотел какое-нибудь распоряжение отдать, но увидел, как из ворот постоялого двора выходит Ярош, и решил не важничать. Староста-радимич лучше знает, что куда нести и кого куда селить.

Прикосновением ладони Илья развернул Голубя и послал его шагом к острогу. Богуслав легко поспевал рядом, держась за перекладину на седле-коробе. Голубь не возражал. Знал, что свой.

На подворье челядь уже готовилась к пиру: свинок ободрали, выпотрошили и устраивали на вертела. Секача же

только подвесили на перекладину. Богуслав подошел, глянул наметанным…

– В глаз положил?

– Ага, – подтвердил Илья. – Бронебойным.

Богуслав кивнул. Хвалить не стал. Порадовался за брата молча. Страшно жить калекой беспомощным. Но ежели ты и на коне скачешь, и стрелой зверя бьёшь, может, не калека ты уже, а муж?

Нет, всё же калека. Пока на коне сидел, не так заметно. Разве что седло диковинное да посадка, а когда перебирался Илья в ходунки, принесенные холопом, сердце кольнуло от жалости. Но помочь не поспешил. Видел, что Илья сам управляется и гордится тем, что сам.

Похвалил, скрепя сердце:

– А ловок ты, братишка! И силен!

– А то! – улыбнулся Илья. – Пошли, покажу тебе, что мы с батей соорудили, чтоб силу мне ростить! – Приласкал напоследок Голубя, угостил морковкой, передал повод холопу и ловко запрыгал на ходунках через двор.

Внутри Илья пересек большой зал, подскакал к узкой лесенке наверх, выбрался из ходунков, уперся руками в перила и «пошел» на руках наверх, да так быстро, что не всякий бы за ним и ногами поспел.

Комната у Ильи просторная, светлая и вся увешана, уставлена отцовой *механикой*. Ну да, другого слова, кроме этого, ромейского, и не подберешь. Канаты, перекладины, лесенки.

Две машины с дугами, как древки больших луков, чугунные гири и *гантели*, какие отцовы кузнецы отливали и самому князь-воеводе. Палка железная с набором дисков, установленная на рогульке над широкой доской… Из-за всего этого разнообразия передвигаться по горнице ногами было не очень ловко, зато Илье – сподручно. Перехватываясь с обезьяньей быстротой от одной хитрой штуковины к другой, он скороговоркой рассказывал Богуславу, что здесь для чего и как с этим управляться.

И чем больше и энергичнее говорил Илья, тем сильнее щемило у Богуслава в груди. А представишь, каким воином был бы Илья, если б не несчастье, так сердце вообще кровью обольется.

Но виду, само собой, Богуслав не подавал: кивал да восхищался отцовской сметкой и достижениями брата. Что-что, а лицо держать Богуслав умел как никто. Навострился, ведя переговоры с ромеями да азиатами.

– А смотри, чего я могу! – Илья выдернул из связки обрезок ремешка, каким обычно обувь шнуровали, намотал на кисти, поднатужился… – Ха!

Порвал.

Богуслав усмехнулся. Взял ремешок из той же связки, выбрав подлиннее, сунул Илье, протянул соединенные руки:

– Вяжи!

Вязать Илья умел хорошо. Исконно воинский навык. Несколько мгновений – и мощные запястья брата спутаны по

всем правилам варяжского искусства.

Богуслав кивнул одобрительно. Сам не повязал бы лучше.

– А теперь – гляди! – Он встряхнул связанными руками, прикрыл глаза, успокаивая дыхание, выгоняя лишние мысли…

Илья глядел с любопытством: как брат будет распутываться? Сам он, наверное, постарался бы понемногу растянуть ремни, а потом высвободить одну руку. Дед Рёрех когда-то его учил: как кисть собирать, как большой палец поджимать правильно. И как ловчить, когда тебя вяжут. Если запястье толстое, а кисть – не очень, высвободиться можно. У брата запястья – толстенные. Но ладони куда шире.

…Богуслав резко выдохнул и двинул руками в стороны. Как будто даже без усилия и… Илья глазам не поверил: ремешки лопнули, будто гнилые. Илья схватил обрывок… Нет, добрая кожа. Откуда ж в его припасе гнилой взяться?

Брат улыбался.

Лицо у Ильи сделалось обиженное-обиженное. Будто у ребенка сладость отняли. Вот, хотел, понимаешь, собственной силой удивить… Как же! Удивило теля могучего тура!

Богуслав похлопал брата по плечу.

– Ладно, ладно, – проговорил он успокаивающе. – Ты тож силен, братишка! А для такого одной силы мало. Хочешь – научу?

– Да ну… – не поверил Илья.

И схлопотал увесистый подзатыльник.

– Ты что же, не веришь мне? – строго спросил Богуслав.

Рука у брата мозолистая, тяжелая. Больно. Но Илье так радостно стало. Со времени, как покалечили его, никто Илью не бил. Ни разу. Жалели. А эта оплеуха – она будто вернула в прежние, воинские, времена, когда усомнись ты в слове старшего, и глазом не моргнешь, как схлопочешь.

Илья толкнулся руками, прыгнул брату на шею, повис:

– Славка! Научи!

Богуслав похлопал по спине, проворчал:

– Сказал – научу, значит, научу. Отцепись, да пошли есть. У меня от духа жаренки слюней уже полон рот.

И точно. Снизу вкусно тянуло печенной на огне свининой. Илья и сам сглотнул: с утра ни крошки.

– Пока есть будем, расскажу тебе историю, братишка, – пообещал Богуслав. – Тебе понравится.

Взял Илью под мышки и пересадил на лежанку. Илья увидел, что на загорелых запястьях брата от порванных ремней – ни следочка. Ни пореза, ни ссадины. Вот ведь… волшебство.

* * *

– Удивительное зрелище, мой господин! Говорят, сюда даже сам калиф, да будет с ним счастье и покровительство Аллаха, захаживает. Тайно, разумеется.

Они с Шамсаддином пришли сюда еще на закате. Нача-

лось всё мирно: с музыкантов и циркачей. Потом музыка и танцы. Смуглые девушки с закрытыми лицами и почти обнаженными телами. Иные – такие гибкие, что больше похожи на жен-ужиц из селянских сказок.

Потом – снова здешние скоморохи. И опять плясуньи.

Потом эти же плясуньи разносили сладости и напитки. Намекая, что за отдельную плату могут и сами усладить. Даже показать личико. Впрочем, Богуслав и так знал, что там, под шелковой завесой. Да и, в отличие от местных мужей, женские лица его не возбуждали. Закуски с напитками – тоже. Сладкому он предпочитал добрый кусок чуть обжаренного, сочного мяса с добрым ромейским или булгарским. Можно и пива. Бочонок. Но уж точно не эту приторно-медовую липкую жижицу.

Богуслав заскучал. Женщины эти… Как рахат-лукум. Услада слабых. Музыка такая же, без задора. Все трюки циркачьи – известные. А главное действо, ради которого все и собрались, всё никак не начиналось.

Богуслав больше по сторонам глядел, чем на арену. Судя по нарядам, публика собралась не бедная. Хотя насчет калифа правоверных, захаживающего сюда тайком, Шамсаддин, скорее всего, приврал. Есть у здешних такая байка: мол, бродит повелитель правоверных по столице, как простой человек, и ищет приключений на царственные ягодицы. А заодно выявляет несправедливости и нарушения шариата. Хотя то, что тут происходит, и есть нарушение шариата. Аллах пра-

воверным азартные игры запретил. Но официально здесь не играют. Это не ставки, а подарки. За которые потом отдариваются или нет. В зависимости от результата поединка.

Распускать слухи о том, что халиф багдадский втайне бродит по столице – неплохая идея политической точки зрения. Но Богуслав очень сомневался в ее правдивости.

Калифа Богуслав видел один раз. Аудиенция обошлась в пуд золота, но дело того стоило. Окупилось сторицей.

Искателем народных приключений калиф Богуславу не показался. И возраст не тот, и комплекция. Приврал торговый партнер. А вот в готовности Шамсаддина угодить можно было не сомневаться. Барыши на привозимых Богуславом товарах Шамсаддин получал гигантские. Сам Богуслав тоже, понятно, в убытке не оставался, но если таких, как Шамсаддин, он мог набрать мешок на полнамисмы, то для Шамсаддина Богуслав был уникален. Потому что ни один купец из неверных не имел таких льгот и таможенных скидок. У любого другого три четверти товара по дороге забрали бы. Это только по закону, а какой может быть закон в отношении гяура? Да никакого. Могли и все забрать. И жизнь тоже.

Но не у Богуслава. Ну какой стражник осмелится взять лишнее у «друга калифа»? И какой разбойник осмелится напасть на караван Богуслава? Только совсем-совсем глупый. И если ему посчастливится выжить, то разбойничать дальше – вряд ли. Разве что – в банде нищих калек, которыми полнятся площади халифата.

Богуслав пришел сюда из вежливости. Шамсаддин искренне хотел порадовать. Отказаться – обидеть.

Ну вот, сейчас начнется. Зрители оживились, заерзали на подушках.

Наблюдать, как здешние гладиаторы будут не слишком умело убивать друг друга – невеликое развлечение для воина. Вот в Константинополе, там – да. Там на таких представлениях для узкого круга весьма ловкие бойцы встречались.

Арена была невелика: шагов двадцать в ширину и чуть больше в длину. Освещена как следует – факелов устроители не пожалели.

Ну, поглядим.

А вот и бойцы. Богуслав устроился поудобнее, взял чашу с приторно-сладким пойлом, пригубил, поставил обратно. Эх, винца бы ромейского!

Заправлял на арене горластый толстяк, разодевшийся почище фазана. Раб, не мусульманин. А так всё традиционно. Объявление бойцов, приглашение делать ставки.

Бойцы, полуголые мясистые, с бритыми головами, поднимали руки, играли мускулами…

– Ставь на Сокрушителя! – наклонился к Богуславу Шамсаддин. – Он в прошлый раз соперника до смерти задушил!

Ну да, этот может. Ростом с Богуслава, но весом пуда на три поболе. Хотя его противник тоже – не вдруг обхватишь.

Сошлись. Богуславу их поединок напомнил кое-что, виденное на севере. Тюленьи бои. Такие же жирные гладкие

тела и «кто кого перетолкает».

Перетолкал Сокрушитель. Как-то так ухитрился прихватить соперника за кушак и грохнуть оземь. Встать не дал: прыгнул двумя ногами на живот противника и заплясал. Противник не отбивался, только туша подергивалась. Сомлел. А может, и помер.

Четверо служек выволокли его с арены. Победитель получил приз – сколько-то там дирхемов[6].

Следующая пара…

Богуслав задумался о своем…

Очнулся, когда толпа взревела. Один «тюлень» опрокинул другого и лупил локтем по морде. Опрокинутый вяло отбивался. Недолго.

Пока выволакивали неудачника, на арену выскочили скоморохи. Принялись изображать недавний поединок. Смешно. Однако победитель осерчал. Кинулся на них. Скоморохи прыснули в стороны. Не поймал.

Третья пара… То же колыхание сальных туш.

Богуславу стало совсем скучно.

Толстяк-распорядитель завопил еще пронзительнее. Богуслав глянул: на арене уже не два бойца, а один.

Ага! Добровольцев выкликает. Сразиться с победителем за вознаграждение. Сейчас на арену вылезет подсадной…

---

[6] Напомню, что дирхем – серебряная монета, средний вес которой – чуть больше 3 граммов. Есть мнение, что ее еще называли ногатой. Не уверен, но то, что в описываемое время дирхем был ходовой монетой и на Руси, и в Скандинавии – исторический факт.

Самому, что ли, выйти? Богуслав не сомневался, что победит. Слава невелика, вознаграждение и вовсе ни к чему, но хоть размяться…

Пока раздумывал, кандидат нашелся.

Смуглый, худой, не первой молодости.

– Кто такой? – спросил Богуслав у Шамсаддина. Тот шевельнул пухлыми плечами: не ведаю, но уточнил все же: – Наряд у него синдский.

Доброволец встряхнул руками, покрутил головой. Он был раза в два легче противника и на голову ниже.

– Дурак, – сказал Шамсаддин презрительно. – Или заплатили ему много. Сокрушитель его убьет. Поставить за тебя на Сокрушителя, любезный моему сердцу друг?

– Поставить, – кивнул Богуслав. – Полторы сотни дирхемов. На его противника.

– Уверен, мой дорогой господин?

Шамсаддин – жаден, а сумма солидная. Опасается, что в случае проигрыша этих денег ему от Богуслава не видать. Это все равно, что предложить полезному человеку выбрать в подарок какую-нибудь безделицу, а человек вместо серебряной заколки на плащ покажет на саблю дамасской работы.

– Ставь, – подтвердил Богуслав. – Но не хочу злоупотреблять твоей щедростью, друг мой. Позволь в случае проигрыша вернуть тебе деньги.

Шамсаддин запротестовал… для вида. И замахал рукой принимавшему ставки.

Сам он «оставил подарок» на Сокрушителя. Двадцать дирхемов.

Соотношение же стало – двадцать пять к одному. После того как была принята ставка Богуслава. А до того было – один на шестьдесят.

– …Эта арена слишком тесна для двоих! – пронзительным голосом вещал надушенный толстяк. – Кому-то придется ее покинуть, и очень скоро!

Большинство зрителей не сомневались, кого именно выволокут за ноги. Мелкую темную лошадку. А вот Богуслав не был так уверен в результате. Он уже видел, что доброволец – не дурак-подставной, которому посулили денег. Тощий синдец – боец. Если бы бой шел на настоящем оружии, Богуслав был бы уверен в победе синдца. Одного взгляда на его предплечья довольно, чтобы понять: с оружием синдец знаком не год и не десять. Слой жира и мышц не защитит от стали. Но в рукопашной сила и размер могут оказаться важнее. Тем более что по условиям поединков нельзя атаковать глаза, горло и мошонку. Если Сокрушитель схватит синдца, он может одной рукой зашвырнуть его за барьер. Но скорее всего швырять не будет: попросту раздавит.

– Это место смерти! – вопил разряженный толстяк, размахивая ручищами. – Глядите на них, люди! Скоро, очень скоро на этот песок рухнет бездыханное тело! Кто это будет? Он? – Жест в сторону громадного Сокрушителя. – А может быть – ты? – Мясистая длань легла на плечо синдца.

– Сначала – ты, – ровным голосом произнес синдец. – Не стоило тебе меня трогать.

Негромко сказал, но в тишине драматической паузы его услышали многие.

Короткая фраза… Выхлест правой, звук, с которым дерево ударяет в кость…

И толстяк, который габаритами ничуть не уступал Сокрушителю, плюхнулся на песок, как выпавшая из задницы коровья лепеха.

– Слишком тесно, это да! – погромче произнес синдец. – Поэтому сначала избавимся от самого толстого!

Зрители заорали.

– Чем это он его? – крикнул Шамсаддин Богуславу. – Откуда у него оружие? Кто пропустил?!

– Он ударил рукой, – сказал Богуслав. – Я не увидел у синдца оружия.

«Зато я увидел кое-что другое, – подумал он. – Толстяка-то, похоже, насмерть».

Синдец поднял руки, показывая особенно возмущенным зрителям, что у него ничего нет. Поднял руки, отвернулся от противника…

И тот немедленно этим воспользовался. Ринулся вперед с отменным для такой туши проворством и ухватил синдца за просторный рукав его черного одеяния.

Громкий треск – и рукав остался в лапе Сокрушителя. Синдец ускользнул. Ткань оказалась непрочной. Зрители

разочарованно заорали, а Богуслав затылком почувствовал дыхание Перуна. Поверженный бог варягов заинтересовался и тоже пришел поглядеть. Бой обещал быть именно боем, а не избиением.

Сокрушитель швырнул вырванный лоскут синдцу в лицо, махнул длинной ручищей, но тощий противник поднырнул под руку, оказался сбоку от огромного бойца, ударил снизу вверх… Сокрушитель с рыком крутанулся на месте и едва не ухватил ловкого синдца… Едва-едва. Но не ухватил. Зато из рассеченной брови Сокрушителя заструилась кровь…

«Что ж, – подумал Богуслав, – теперь я знаю, как он убил толстяка-распорядителя». Синдец – из тех, кто обучен биться голыми руками. И руки его наверняка «украшены» мозолями каменной твердости. Такие же набивают себе единоборцы-вятичи, которым запрещено использовать оружие в ритуальных поединках.

Синдец не спешил. Ждал атаки Сокрушителя. Однако Богуслав уже не сомневался в его победе. В глаза бить нельзя, а вот в бровь – можно. А результат – близкий. В бровь, может, не так больно, как в глаз, но результат почти такой же. Частичная слепота. Пусть глаз на месте, но видеть уже не может. Его заливает кровь.

Сокрушитель тоже сообразил, что перед ним не добыча, а такой же охотник. Тело толстяка, заваленного одним ударом, говорило само за себя. Здоровяк был опытным бойцом, а значит, точно не дураком. И сейчас наверняка усиленно

соображал, как одолеть мелкого, но очень опасного противника.

Синдец не дал ему времени на раздумья. Бросок вперед, несколько быстрых ударов, которые зрители скорее услышали, чем увидели, опять нырок под руку Сокрушителя, еще несколько ударов – в бок и в нижнюю часть спины, и красивый отскок на безопасную дистанцию. Первую часть атаки заслонила от Богуслава широченная спина Сокрушителя, а вот вторую Богуслав увидел очень хорошо. И восхитился. Скоростью и точностью. Два – в печень, три – в почку. Будь у синдца нож – каждый был бы смертельным. Но от рук, даже рук, отличающихся крепостью дерева, живая броня Сокрушителя защитила. Она бы защитила и от крепкого удара дубинкой. Здоровяк остался жив. Но ему было больно. Очень больно.

Сокрушитель зарычал и перешел в непрерывную атаку. Теперь синдец напомнил Богуславу охотничьего пса, на которого насел медведь. Пса, который прыгает в опасной близости от мощных лап и раззявленной пасти, но лесному хозяину никак не дается. Кажется, вот-вот – и полетит, визжа, с переломанным хребтом…

Зрители сходили с ума, вопили, поддерживая своего борца, которому, казалось, до победы совсем чуть-чуть…

И даже Богуслав не сразу понял, что синдец играет с противником. Что он сознательно вертится в опасной близости. И ничто ему не угрожает. Он был – как клинок матерого

гридня против пылкого отрока. Гридня, который чувствует любое движение молодого, легко избегает его меча и более того – сам направляет клинок отрока в нужную сторону да так, что тот и не подозревает, что его ведут.

Синдец развлекался. А может, развлекал зрителей? Иногда он позволял здоровяку притиснуть себя почти к самому барьеру… Пожертвовал вторым рукавом… Он играл. И даже двигался медленнее противника. Зачем, если знаешь заранее, что тот будет делать.

Так продолжалось несколько минут[7], потом Сокрушитель запыхался. И тогда синдец его убил.

Красиво. Подпрыгнул на полсажени и ударил здоровяка снизу в нос. И тот умер. Сразу.

Синдца привели к Богуславу сразу после боя. Шамсаддин подсуетился.

– Как тебя зовут? – спросил Богуслав.

– Рами.

По-арабски это означало «стрелок». Если только имя было арабским.

– Ты ведь мог убить его сразу, Рами. Почему ты этого не сделал?

– Ты заметил, – кивнул синдец. – Ты воин, да? Откуда ты родом?

---

[7] Чтоб меня не обвинили в анахронизме: термин «минута» появился еще в Древнем Риме как малая часть часа. Собственно, она и означает «малость».

Шамсаддин шикнул на синдца: будь вежливее, когда говоришь с таким важным человеком, другом самого калифа.

Ни рус, ни синдец не обратили на окрик внимания.

– Я хочу тебя нанять, – сказал Богуслав.

– У меня есть деньги, – отозвался Рами, похлопав по мешочку с призовыми дирхемами.

– Это значит «нет»?

– Это значит – что-то еще, кроме денег.

Богуславу нравилось, как держится собеседник. Вот он стоит – в рваной одежде, истрепанных сандалиях, совсем нищий, если не считать приза. Чтобы добыть на пропитание, ему пришлось драться и рисковать жизнью…

Хотя нет, это преувеличение. Жизнью он не рисковал. Но всё равно синдец был – никто. А Богуслав знал, какое впечатление производит. Ему, чужеземцу, теперь даже мытники у ворот кланяются первыми. Причем еще до предъявления верительных грамот.

Синдец кланяться не собирался.

«Может, взять его с собой? – подумал Богуслав. – Такой боец никогда не будет лишним».

– Что, кроме денег? Знания?

– Ты понимаешь. – Синдец чуть наклонил голову. Не поклон, а знак уважения равному.

– Вот. – Богуслав протянул синдцу мешок с серебром. Раз в двадцать потяжелее, чем тот, который висел на потертом поясе синдца. – Здесь три тысячи двести двадцать пять дир-

хемов. Ровно столько я заработал на твоей победе, Рами. Забирай. Пока только деньги. О знаниях мы договоримся. Начнем с того, что ты поделишься своими. Согласен?

– Я бы взял тебя в ученики, – синдец засмеялся. – Но ты слишком стар. И слишком богат. Я приду. Завтра. Скажи – куда?

– Шамсаддин, друг мой, объясни ему, – попросил Богуслав.

Шамсаддин объяснил. С таким лицом, будто вылавливал из свиного дерьма мелкую монетку.

Рами поблагодарил. И ушел. Нищий в рваных сандалиях, с тридцатью гривнами серебра на поношенном поясе.

– Он не придет, – уверенно заявил Шамсаддин. – Ты сейчас потерял огромные деньги.

– Триста дирхемов, что он придет! – предложил Богуслав.

– Да хоть три тысячи! – воскликнул Шамсаддин.

– Принимаю! – усмехнулся Богуслав. – Пусть будет три тысячи.

Богуслав выиграл. Рами пришел. Правда, люди Шамсаддина попытались ему помешать. Рами не убил их, просто сделал больно. Но не так больно, как было Шамсаддину, когда он расставался с тремя тысячами.

* * *

… – И знаешь, братишка, – закончил историю Богуслав. – Этот Рами стоил трех тысяч дирхемов. – Его умение немного похоже на то, чему нас учил батя. И тому, чему учил мечник-ромей. Хотя многое нам, воям, ни к чему…

– Скажи! – потребовал Илья.

– Убить человека пальцем, к примеру.

– Тю! – разочаровался Илья. – Это и я могу. В глаз ткну…

– А в бок? – поинтересовался Богуслав. – Или в затылок?

– Ну это ж какой палец иметь надо! Ножом, чай, попроще будет!

– В корень зришь, братишка, – похвалил Богуслав. – Ножом – проще. А уж мечом… И добрую кольчугу палец Рами тоже не осилил. Проверено. Однако иной раз и палец может пригодиться. Например, ткнешь кого бездоспешного пальцем в живот – он и умрет. Только не сразу, а дней через пять. И никто не узнает отчего.

Илья фыркнул:

– Не по Правде это! Если я кого убить хочу, так скрывать не стану. Что я – ромей? Ты еще скажи: ядом травить!

– Экий ты… правдивый! – засмеялся Богуслав и приложился к кубку. – Твое здравие, братишка! А о ядах лучше вспомни, что матушка говорила.

– Что ядом и лечить можно? – вспомнил Илья. – Выходит,

и пальцем…

– Точно так, – кивнул Богуслав.

– А этот Рами… Ты его с собой привез? – с внезапно вспыхнувшей надеждой проговорил Илья.

Старший брат покачал головой:

– Не поехал он. Сказал: холодно у нас. Хотя кабы мог он тебе помочь, я б уговорил. Но он не смог бы. Я ему про тебя рассказал. Про ноги твои. Сказал: не сможет. Хотя надежда есть. Девка, что за тобой ходит, сказала, что ты под себя больше не ходишь. Верно это?

– Иногда и ныне случается, – вздохнул Илья.

– Но не всегда. Значит, чувствуешь что-то…

– Ничего я не чувствую… – вздохнул Илья. – Само как-то получается.

– Само – оно когда смерд от страха в портки нагадит, – покачал Богуслав. – Ты верь, братишка. Рами говорил: внутри каждого человека живет сила, которая человека строит. Она – будто конь. У иных этот конь куда хочет, туда и тянет, будто телегу с сеном. Оно и к лучшему, когда ты дороги не ведаешь. Не то станешь за поводья дергать – и вовсе не туда уедешь. А у иных, знающих, сила эта – как боевой конь у хузарина. Всадник еще и сам не понял, чего хочет, а конь-друг уже угадал и понес куда надо. Да, многое из того, что Рами знает и умеет, нам с тобой ни к чему. И, думаю, сойдись ты с ним, даже такой, как сейчас, от твоей стрелы ему бы не уйти. Однако и полезного я много узнал. И записал. И зарисовал.

И на себе проверил.

– Ремни рвать? – без прежнего воодушевления спросил Илья.

– Силу собирать воедино! – без улыбки произнес Богуслав. – Собирать ее и бросать в цель, как тетива лука стрелу бросает. Или лучше – как машина крепостная большой камень мечет. Когда ты долго-долго крутишь ворот, напрягая канат, а потом отпускаешь рычаг и вся твоя сила за один удар сердца высвобождается и мечет на два стрелища камень, который ни один силач и на десяток шагов не бросит. И вот этому, братишка, я тебя могу научить. И научу, если захочешь.

– Захочу, – кивнул Илья. – А еще научи меня этой силой править. Вдруг я ее в ноги влить смогу, как думаешь?

– А что тут думать? – Богуслав потянулся через стол и хлопнул младшего брата по крутому плечу. – Помнишь, как старый Рёрех учил? Ты не думай. Ты делай.

Глава 7

Моров. Шалые людишки

Зима пришла и обосновалась по-настоящему.

Водный путь сменился накатанным зимником. На охотничьих луках поменяли тетивы – чтоб не боялись морозов. Хотя морозов особых и не было. Возок, на котором Илья перемещался по Морову, сменили на санки. Но санками Илья пользовался редко. Моровские умельцы собрали новые ходунки и поставили их на лыжи. Внутри вместо кожаных штанишек – просторный меховой мешок. Матушка, приехав, особо предупреждала, чтоб не застудил ноги, а то отрезать придется.

Иной раз Илья думал: лучше бы отрезать. Толку от них. Но никак не расстаться с надеждой, что когда-нибудь оживут. Тем более что и матушка обнадежила: ухудшения нет. Девку Лиску, что следила за ногами Ильи, похвалила. Сказала: хорошо следит, правильно мнет-гладит, умащает. Хотя что ж хорошего? Не ноги теперь у Ильи, а палки тонкие, мертвые. Выученная Богуславом у синдца наука не помогала. Сколько ни представлял Илья, как его ноги оживают, толку не было. Зато копить силу в плечах и руках – получалось. Немного похоже на то, что дед Рёрех называл «Перун в тебя

входит». Теперь Илья тоже мог рвать руками ремни. Руками он много чего мог. Батя Илье лук новый привез. Сильнее прежнего. Хвалил Илью батя. За то, что старается. А Илья себя не неволил. Ему в радость силушку тешить. И ловкость упражнять. Они с батей даже немного на мечах побились: Илья, понятное дело, в ходунках был. Но и клинком рубил, и щитом отбивал крепко. Ясно, что до истинного воя далеко. Без ног-то. Но вроде уже и не совсем калека. А уж как лук Илья возьмет, так и вовсе воин. Может, меткостью себе, прежнему, целому, и уступит, а вот силой – ничуть. Стрелы его хорошо бьют. На ста шагах ни одна бронь не остановит, на пятидесяти – ни один щит. Со щитом – проверяли. Разбивает не только легкий нурманский, но и византийский всадничий, если стрелой с правильным наконечником бить.

А еще Лиска в Илью влюбилась.

Красивая девка – Лиска. Румяная, грудастая, коса рыжая, толстая, если распустить – ниже тугого зада. Прозвищем – Лиска, а по статям – кобылка крепкая. Не идет – играет. Наверняка охотников оседлать такую – немало. А вот – угораздило!

Илья удивлялся: как его любить можно? Еще понятно, если б издали влюбилась. Верхом Илья-то и сейчас хорош. Плечи широки, грудь кольчужным серебром облита, конь боевой… Княжич.

Но Лиска Илью в слабости видела, да еще в какой. И что проку от Ильи в мужском деле – никакого, знала. А девке

ласки мужской хотелось. Налилась. Кабы не приставила ее матушка за Ильей ходить, давно б замуж вышла. Ласкала Лиска Илью, будто украдкой. То ладошкой по груди проведет, то по животу. Иной раз и уд заденет… И красным зальется. И с чего бы? Раньше, когда Илья под себя ходил по слабости безмерной, она ж за ним и ухаживала.

Влюбилась.

У Ильи девки, понятно, уже случались. До того, как покалечило. Не то чтобы он был до них большой охотник… Но доводилось, и не раз, сладкое попробовать. По нему не особо скучал. Воинских утех куда жальче. Лиске трогать себя Илья не запрещал. Пусть. Ему – без разницы.

Зимник – это хорошо. По зимнику гости в Моров стали наезжать чаще. И работа строительная пошла веселей. Церковь под крышу подняли, терем достроили.

А вот батя заезжать перестал. Илья от людей слыхал: трудности у него в Киеве. Что врагов у бати много, это понятно. Чем сильней человек, чем удачливей, – тем больше вокруг обиженных. Но друзей у сильного человека всё равно больше. Друзья у бати по большей части – воины-воеводы, а враги – купцы, которых он выгоды лишил, да бояре-мытники, у коих с батей споры вечные. Еще говорили: с великим князем у бати не всё хорошо. Разладилось. И виновным в том разладе был боярин Блуд. Блуд этот в батиных недругах еще при Ярополке был, но уже тогда Владимиру служил втайне.

И сидеть бы Блуду от Владимира ошую[8], да перестарался. По его указке нурманы Ярополка зарезали. У Владимира на глазах да без его воли. Владимир тогда осерчал и прогнал Блуда прочь. А сейчас – простил. Когда Добрыня с Путятой новгородцев покрестили, Владимир поставил Блуда в Новгороде княжьим наместником. Батя великому князю прямо сказал: кто однажды предал – снова предаст.

Поссорились, в общем. Ох обрадовались батины враги, начали козни строить, хулу на него говорить. И отступились многие от князь-воеводы Серегея. Из зависти к богатству его, к силе его рода и славе его. К тому, что торгует он с теми же ромеями не по договору, а свободно. Слухи поносные распускали.

Это тревожило.

Но когда Илья поделился своими тревогами с Кулибой, тот лишь рукой махнул: пустое, мол. Змея из-под колоды на тура шипит – и пусть. А рискнет пасть разинуть – сгибнет под копытом.

В Киеве князь-воевода сам разберется. Не впервой, чай. Кулибу другое беспокоило. На дороге, что от Морова на заход вела, шалые людишки озоровать начали. Второй караван уже «потерялся».

А тут с утра вестник прибежал. Нашли караваны. Первый – в трех поприщах от Морова, второй подальше – в шести.

Людей побили, в возы побросали и – в овраг всё. Груз из

[8] Ошую (*церк. – слав.*) – сидеть по левую сторону. *(Прим. ред.)*

возов, понятно, исчез. Это с первым так. А со вторым – иначе. Там тоже возы в стрелище от дороги спрятали, а вот людей не всех нашли. Только охрану да самого купца. Остальных же – жену его с двумя дочерьми, брата младшего и тринадцать челядников – с собой забрали. Их искать теперь бессмысленно. Много времени прошло, никаких следов не осталось.

Сотник батин Развай прискакал с гридью, но и ему тоже непонятно, что делать. Чтоб леса здешние прошерстить – и тысячи воев маловато.

Кулиба в Киев сбегал – за указанием.

– Дорогу надо держать крепче! – заявил ему князь-воевода. – Дать тебе еще людей?

– Не надо, батько, – отказался бывший полоцкий сотник, а ныне воевода Моровский. – Они небось добро припрятали, людей подальше отогнали, а сами по селищам разбрелись: мол, мы мирные охотники. Как узнаешь, если видаков не осталось?

– Тебе видней, – не стал спорить князь-воевода.

– Дела в Киеве, – сказал Кулиба. – Он разберется, но пока ему не до нас. А наше дело – разбой прекратить.

Это верно. Вовсю подзуживают бояре великого князя против бати. Уже донесли, что в Моровском княжестве купцов губят. И князь-воевода Серегей ничего с этим поделать не может.

– Но ты не боись, Илюха! – обнадёжил Кулиба. – Ворогов

много, но и друзей в Киеве у батьки – хватает. Тот же воевода Претич. Ну и другие варяги тоже. Стрый Владимира, Добрыня, всегда к нашему батьке расположен был, а Владимир его слушает. Да и сам наш батько и не из таких передряг выбирался. Сдюжим!

Успокоил. Отчасти. Но особенно обидно – ничем Илья-калека бате помочь не может.

И не догадывался тогда Илья, что беда с Горы киевской не к бате придет, а постучит прямо в моровские ворота.

Глава 8

Моров. Враг у ворот

Беду Илья увидал случайно. Не увидал даже – угадал.

А началось с того, что плотники достроили вышку. И позвали княжича проверить.

Вообще-то работу должен был принимать Кулиба, но сотника в Морове не было. К нему прибежал посыл: нашли еще один разграбленный обоз. Пропавший только вчера. Обрадованный Кулиба тут же умчался со всей дружиной, надеясь сыскать татей по-горячему.

Если старшина плотников надеялся, что Илья примет работу, лишь взглянув на нее снизу, то надеялся зря.

– Давай-ка за мной, – сказал ему Илья и полез наверх. На руках. И куда быстрей, чем плотник.

Так и есть. Не доделали сверху. Бортики поставили хлипкие. Из хорошего лука стрелой насквозь прошьет. И продуха на крыше не оставили. Да что там продух – даже лист железный на пол не постелили. Вместо него прямо в середке настила прорезали люк. И лари для припасов боевых и сигнальных где?

– Об этом уговора не было! – заявил старшина, не без опаски глядя на Илью, усевшегося на ограждение. Не сва-

лился бы безногий княжич?

– Какой еще уговор? – удивился Илья. – Ты ж не новичок! Вышки в Диком Поле ставил?

– Ставил, – согласился старшина.

– А эта почему не такая?

– А зачем? – искренне удивился старшина. – Чай, копченые не набежат. Кому дымом сигналить?

– А вот это не твое дело, – отрезал Илья, глянув на старшину сверху вниз. – Сделаете всё, как следует. Приму лично!

– Так ведь…

– Что? – удивился Илья. – Не знаешь, как следует?

– Так это… – Старшина глядел на княжича. Эко с ним жизнь обошлась. В тринадцать лет золотопоясным гриднем стал! А теперь калека безногий. Да, он – княжич, сын самого воеводы Серегея, но ведь сыном-то он и раньше был, а стрела злая – прошлым летом нашла. Беда, однако. Был грозный воин – осталась половинка. Для такого, как этот, – и вовсе беда. Впору пожалеть…

Но – не жалеется как-то. Потому что не выглядит Илья, сын Серегеев, по старому прозвищу Годун, – негодящим. Вот, сидит на оградке слабенькой (что ж старшине самому себя обманывать, слабенькой, хлипкой), ноги мертвые висят, как бурдючки пустые, под ними – двенадцать полных саженей пустоты. Обломится оградка – ухнет в нее княжич… Или не ухнет? Рука, что за столб держится… У иного нога тоньше. Да только не думает княжич о пустоте, а думает о

том, чтобы вышка хороша была для дела воинского.

– Так это… Мы, ить, и за работу поменьше взяли, чем в Диком Поле, хоть сама – повыше будет.

Ясно, повыше. В Диком Поле – ковыль, а здесь – деревья. Чтоб далеко глядеть, надо высоко сидеть. Княжич засмеялся.

– В Диком Поле хорошее дерево издалека везут, – сказал он, – а тут – рядышком. За то и скидка вам… – Вдруг княжич оборвал речь и лицо у него стало… ну таким, что плотник даже испугался. Когда у гридня такое лицо – может и зарубить. С чего только осерчал?

Тут старшина понял, что глядит княжич не на него, а на реку, вернее, на шедший по Десне зимник.

Старшина тоже поглядел… Увидел много-много конных и пеших… Сани там вроде? Купцы, что ли, идут? Или отряд воинский?

Илья увидел больше. И зрение у него было острей, и глаз воинский, опытный. А увидел он такое – впору пожалеть, что нет на вышке припаса для тревожного дыма.

Отряд воинский в два десятка копий и пещцев – под сотню. Это и староста видел. Но Илья заметил след, темный и широкий, говоривший о том, что вышел воинский отряд прямо из леса, а главное – Илья видел не только санный поезд, но и то, что на него напали: и тела на снегу, и даже кровь – красное на белом.

Илья рывком развернул тело, ухватившись второй рукой

за оградку. Та пискнула так жалобно, что староста не выдержал и ухватил княжича за пояс, на что тот внимания не обратил.

– Ярош! – грозным воинским рёвом грянул Илья.

– Я тут, господин! – Староста моровский выскочил на подворье, задрал голову.

– Ворог на реке! – крикнул Илья. – Затворяй острог! Собирай всех, купцов с постоялого двора всех сюда! Живо!

Приказал и повернулся к плотнику:

– И твоих сюда. И тех, что церковь достраивают – тоже.

– А может, лучше в лес? – возразил старшина плотников, вспомнив, что дружины воинской в остроге нынче нет. – Спрячемся там…

– Дурень. – Илья не осерчал – на дураков сердиться и обижаться глупо. – Это ж не копченые. В лесу тебя по следу найдут быстрей, чем кукушка прокукует. Сюда всех. И батюшку Димитрия не забудьте. Всё! Белкой – вниз!

А сам продолжал смотреть на реку.

А там кипели недобрые дела. Людей побитых волокли в лес. Одни волокли, другие снежком присыпали следы, утаптывали…

Вскоре на холме, где заместо капища поставили церковь, загудело било. Не колокол. Колокол еще не привезли.

Илья увидел, как ползет людская гусеница с холма к острогу. И еще одна – с постоялого двора. Оттуда – не только люди. Череда саней с грузом. Купец свое тащит, да и Ярош

наверняка распорядился: что подороже – под защиту настоящих стен.

Недобрые люди замели следы разбоя и уходили в лес. Но где-то с десяток пешцов осталось, усаживались на сани. Тронулись. Всадники – с ними. Любит Бог Илью: не поднялся бы на вышку, не углядел разбой – взяли бы врасплох. С виду же – обычный поезд из Киева. Таких иной раз по два на дню приходит.

Что ж, пора спускаться. Илья растер ладони, сполз на настил, свесил в люк ноги, ухватился за первую перекладину. Всего их – восемьдесят две. Путь недолгий.

– Детей и жен – в терем, – распоряжался Ярош. – Ты, ты и ты – на стену. Туда.

Названные полезли на забороло[9]. У одного шлем съехал на глаза, другой зацепился щитом и едва не ухнул вниз. Илья распорядился открыть оружейную и выдать тем, кто покрепче, бронь и воинскую снасть, да что толку? Корову хоть как оседлай – в бой не поскачешь.

Как назло, в селе нынче – ни одного охотника. Те хоть из луков бить умеют.

Из обороняющихся управляться с оружием худо-бедно умели только четверо: купец Дюжа, его сын, Илья да Ярош. Остальные скорей сами на копье наденутся, чем ворога на-

[9] Забороло – верхняя часть крепостной стены, за которой укрывались обороняющиеся.

садят. Еще плотники. Эти хоть с топорами управляться привычны. Хотя враг – не бревно. Бревно от железа уворачиваться не станет и ответки не даст.

Купцу с сыном и пятью челядинами Илья велел речную сторону острога держать. Себя назначил беречь ворота. Остальных Ярош вдоль стены выстроил, велев особо не высовываться.

Эх! Было б у Ильи хотя бы с десяток отроков! Припаса в остроге довольно. Стрел – сотни, смолы – пуды. Снасть всякая оборонная – в достатке.

Нету отроков. Придется – с этими.

И за помощью послать некого. Хотел Яроша отправить, да тот отказался наотрез. Прочим доверия нет. Смерды да холопы. Ладно, ковш смолы и смерд вылить сможет.

Убедившись, что по подворью никто попусту не шастает, смола в двух котлах греется, а живые пугала в шлемах торчат на забороле, Илья выбрался из ходунков и тоже полез на стену. Ярош – за ним. С двумя щитами на спине, огромным пуком стрел и собственным луком в налуче. У Ильи лук тоже в сборе и наготове. Добрый лук. Боевой. Держитесь, вороги!

Одного не учел Илья: чтоб стрелять, надо подняться над стеной. А подняться-то ему не на чем. Но в щель меж зубцами глядеть – это да, можно. Вот Илья и глядел.

Видел, как с опушки на поле высыпала вражья сила. Порадовался: тоже не воины. Лесовики. Хотя против пахаря и охотник-лесовик – великий воин, и много их, большая сот-

ня, не меньше. И не все там – лесовики. Но есть и другие. Всадники, которые по зимнику прискакали. Эти сначала на постоялый двор кинулись, но там не задержались. И не к крепости поспешили (понятно, что ждут, раз ворота закрыты, а понеслись вскачь наверх, к церкви, где все еще гудело-звенело било. Отец Димитрий не пожелал за стены уйти. Остался. Илью сие не удивило: монахи смерти не боятся. Умереть за Христа для них – наивысшая радость.

Илья этого не понимал. Умереть – дело нехитрое, но кто ж тогда своих защитит? В то, что с неба за молитву помощь придет, не очень-то верилось. Илья так мыслил: в смерть тоже сбежать можно. И мысль эта для него – не праздная. Сам недавно о том же думал. Но понял: трусость это. Как посреди боя друзей-родных бросить и удрать.

Хотя отцу Димитрию что? У него родни нет. Он Богу служит. Может, и впрямь ему с той стороны до Господа дозваться легче и помощи Морову попросить?

Илье так нельзя. Илья – сын князя моровского. Ему о людях заботиться следует. Вот сейчас и позаботится.

– Эх, в Киев никого не послали, – вздохнул Ярош.

– Так некого, – отозвался Илья. А сам подумал: «Дурак! Надо было у отца голубей новых взять. Зима зимой, а всё же…»

Илья разглядывал ворогов. Ишь, грудятся, будто табун конный. Близко не подходят. Толком и не разглядеть – какого роду-племени.

– Скажи, Ярош, что за люд там, снаружи? Тоже твои, радимичи?

Бывший военный вождь мотнул кудрями:

– Радимичи, но не мои. Мои нынче за кровью не ходят. Чужих кто-то навел. Может, лехиты мутят?

– Может.

Илья оперся руками, приподнялся над забороло́м. На холме, испуская черные клубы, горела церковь. Било давно заглохло. Отца Димитрия скорей всего убили.

В зубец ударила стрела. На излете. Илья и бровью не повел, а Ярош забеспокоился:

– Спрятался бы ты, княжич! Достанут!

Илья послушно осел. Не от страха. Ему ли, калеке, смерти бояться? Но во всем остроге он – единственный воин. Остальные – смерды, холопы да девки. Ну и вольных с десяток. И купец со своими.

– Что делать будем, княжич? – спросил Ярош. – Сдадимся? Ни одного доброго воя среди нас нет.

И смутился.

Илья ведь, хоть и калека ныне, а гриднем был.

Ага. Был.

– Полвоя у нас точно есть, – он усмехнулся. – И как крепости оборонять, меня, было дело, учили. Так что вели-ка, Ярош, смолу нести. Смолой ворога попотчевать – для этого гриднем быть не обязательно. Знаю, друже, что истинным воям наши люди – не чета. Так и с той стороны – такие же.

Не робей, Ярош! Отобьемся. Не отдадимся на поругание!

Такие – да не такие. Вон, всадники уже с холма спускаются. И в седлах сидят крепко. Хотя стремена отпущены не постепному. Нурманы?

Еще одна стрела пропела над головой. В кого целили? В небо?

Однако вороги на опушке времени не теряли. Звенели топорами вовсю.

Илья глянул меж зубцами. Увидел с десяток лучников шагах в ста пятидесяти, укрывшихся за большими стоячими щитами. Стреляли редко. Не подстрелить – попугать. Со стен не отвечали. Вот и Ярош тоже не стрелял. Лук у него неплох. Но – для охоты. Сотня шагов для такого – уже далеко.

На краю поля вертелись конные и десятка два злодеев ладили осадные лестницы. Из дерева, приготовленного для домостроя. Последнее Илью особенно обидело. А не поучить ли разбойников вежеству?

Илья взялся за лук. Без ног над заборолом не подняться, но есть одна мысль.

– Ярош, – сказал он. – Ты ногами моими будешь. Скомандую: поднимаешь меня над заборолом, потом держишь крепко, считаешь до пяти и опускаешь. Только считай небыстро, понял?

– Ох, убьют тебя, Годун. – Забывшись, Ярош назвал княжича старым именем.

– Ты не каркай, ты делай! – прикрикнул Илья и подхватил пучок стрел. – Поднимай!

Ярош, крякнув, воздел Илью над зубцами.

Скрипнув, ушла за ухо тетива, унося в «стремени» хвостовик стрелки. Как в добрые старые времена, когда Илья на своих двоих стоял. Даже лучше, потому что силушки в руках прибавилось. Трехпудового натяга тетива подавалась удивительно легко. Ну, полетела смертушка!

Илья раздергивал лук в полную силу, глазом выбирая цели среди беспечных обнаглевших лучников за щитами, кидал стрелу, тут же клал новую… Шесть их запело в воздухе, и лишь первая успела найти цель, когда Ярош опустил Илью. Поторопился радимич. Не досчитал до пяти.

– Уж и раздобрел ты, княжич, – пробормотал Ярош.

Илья с удовольствием повел налитыми силой плечами.

По воплям и по тому, что на его выстрелы вороги ответили с опозданием, Илья понял, что его стрелы зря не пропали. И вновь убедился, что подступили к крепости не бойцы, а смерды. Бойцы б живо сообразили, что стрелок – один. И не стали бы от него прятаться, а ответили бы сразу. А смерды – что? Смерды умирать не приучены. Смерд, когда видит, что соратника подбили, не о мести думает, а о том, чтоб следующим в Ирий не улететь.

Смерды – это хорошо. Это радует. Тем более, если Ярош прав и смерды – чужие. Своих-то дурней зря губить не хочется. Кто потом оброк понесет?

Хотя что оброк? На складах добра – со смердов и за пять лет не соберешь. Ну да не о добре речь. Продержаться бы. Может, Кулиба вернется…

Илья ухватился за зубец, подтянулся немного, глянул в щель, высматривая всадников… Самого важного сразу углядел: руками размахивает, а вокруг – человек двадцать конных и пеших собралось. Слушают, надо думать. Ну да болтать любой горазд, да не у всякого из-под шапки меховой маковка шлема воинского выглядывает и на груди панцирь поблескивает.

– Ярош, готовься! – Илья выщепил из тула три стрелки из лучших, легкие, с правильно закрученным пером и узкими граненными наконечниками. – До пяти, помнишь? Вздевай!

Стрелы ушли – как сокол в небо. И опять Ярош до пяти не досчитал, хотя вражьи лучники проснулись только на восьми.

Илья приник к щели… Эх! Главного – не достал. Или конь его переступил, или сам почуял. Сдвинулся. И – спасся.

Хотя стрелы Ильи даром не пропали. Один из всадников выпал из седла, у второго конь вздыбился и повалился прямо на пеших. Те шарахнулись в стороны. Но не наутек. Должно быть, не поняли, откуда смерть летит. А вот главный их – понял. Рванул галопом к краю поля, за предел дальнего выстрела.

Вражьи лучники наконец-то заметили, откуда по ним бьют. Над частоколом запели стрелы. Упираясь руками,

Илья проворно сместился по забороду на пяток саженей. Ярош, пригибаясь, – за ним.

– Подними-ка меня еще разок!

– Ох, княжич…

Но повиновался.

Вражьи лучники стреляли бегло и неумело. Поднимались над щитами чуть не по грудь. Илья метнул аж четыре среза, пока его наконец заметили. Ярош спрятал Илью за частокол одновременно с первым воплем. Мог бы и не прятать, потому что вороги попрятались сами. Но двоих он точно положил, а третьему в шапку попало, и не понятно: упал или сам присел.

Напугал Илья вражеских стрелков. Больше не высовывались. Били навесом – в белый свет. Стрелы сыпались, не долетая до частокола. Или, перелетая, падали на подворье. Тем, кто на забороле, можно было не опасаться. Но Ярош всё же накрыл себя и Илью щитами.

– Отходят, – пробормотал Илья, глядя в щелку меж зубцов.

Смерды на стене тоже увидели. Заорали радостно. Решили, что отбились.

Илья, однако, не обольщался.

Отошли, но не ушли. Звон топоров не смолкал.

– Закончат – на штурм пойдут, – сказал он Ярошу.

– Пойду насчет смолы распоряжусь, – сказал моровский староста.

– Еще глянь, что со стороны Десны, – велел Илья.

Трудно безногому обороной командовать.

Со смолой все оказалось хорошо. Грелась.

И со стороны Десны никого. Все – со стороны ворот.

– Ярош, – окликнул старосту Илья, – раз сам не хочешь, пошли кого-нибудь, кто на лыжах хорош, по зимнику. В Киев.

– Это можно, – кивнул староста. – Есть у меня такой на примете.

– И к вышке меня отнеси, – распорядился Илья. – Хочу сверху глянуть.

– Подстрелят? – заопасался Ярош.

– Не успеют. А ты вот что… Веревку мне дай. И рукавицы. С собой возьму. Если что – соскользну быстренько.

Глава 9

Моров. В осаде

Наверх Илья взобрался, как раз когда с задней стороны острога спустили гонца – парнишку из вольных моровских смердов.

Паренек ловко скатился с берега на реку и побежал вниз по зимнику.

Илья вздохнул облегченно. Обошлось. Не перехватили.

Поторопился. Парень и трех стрелищ не прошел… Споткнулся и упал на лед. Не сам. Стрелой подбили. Тут же со стороны берега выскочили двое. Подбежали, ухватили под мышки и уволокли в чащу.

Эх, надо было предупредить, чтобы не рекой, а лесной дорожкой шел.

Хотя и там засада может быть. А учуять и обойти – это надо воином быть. Или хотя бы опытным охотником. Таким, как Ярош. Но Яроша все равно не уговорить. Так что надежда только на Господа и на собственные малые силы.

Отсюда, с башни, на мир смотрелось хорошо. Всё видно окрест. Можно и ворогов счесть. Сто шесть насчитал Илья. Восемьдесят пять – бездоспешные смерды. Большая часть – с копьями, луками, в тулупах и мохнатых шапках. Лесовики.

Еще двадцать – из тех, кто с оружием знаком. Мечи только у двоих, у остальных – секиры. Простые шлемы, такая же простая бронь: вареная кожа с нашитыми железными пластинами. Так снаряжаются отроки у не слишком удачливых князей и ополченцы вольных городов. А вот оставшийся, уже примеченный Ильей и определенный в вожди – другого поля ягода. Бронь хорошая, конь боевой, шлем нурманский, прикрытый меховой шапкой, чтоб не сверкал.

Эх, не достал его Илья. Мыслилось: без этого, главного, отбиться было бы проще.

Скоро, скоро они пойдут на штурм.

Лестниц готовых – три. И еще пять заканчивали. И щитов больших – с дюжину. Для такого отряда хватит. Значит, скоро на штурм пойдут.

Илья попробовал поставить себя вместо нападавших. Так батя учил. «Чтобы понять, как будет действовать враг, ты, Илюха, должен залезть к нему в башку. И угадать, как он поступит. И, угадав, опередить».

Влезть в башку вражьему вожаку было трудно. Илья ведь даже не знал, кто это. И зачем налез на Моров…

Ясно, что опытный воин, не смерд. А знает ли он, как берут крепости?

Илья вот знал. Видел, как батя брал Перемышль. Ни одного гридня не потеряв. Ночью, скрытно, взошли на стену, открыли ворота, впустили гридь…

Когда батя с Ильей подъехали к перемышльскому крем-

лю, там уже были свои. А лехиты, повязанные, сидели у ворот.

Уснул Перемышль данником князя Мешко, а проснулся – Владимировым градом.

Батя своих бережет, на стену не погонит. А этот?

«Этот – погонит», – решил Илья. Иначе зачем лестницы и щиты?

Что бы еще сделал Илья на месте врага? Уж точно догадался бы, что толковых воев в остроге немного. И этот, вожак, тоже наверняка сообразил. А если опытных мало, то атаковать по уму надо со всех сторон.

Это если без обмана. Но войны без обмана не бывает. Обдурить врага для хорошего вождя – первое дело. Вот как тогда, с Перемышлем.

Если бы штурмом командовал Илья, да будь у него ноги, он бы как поступил? Показал главную атаку со стороны ворот, а сам с тыла зашел с четырьмя-пятью лучшими людьми. Влез бы на стену без всяких лестниц. Накинул бы аркан на зубец – и наверху.

А уж наверху добрый воин и в одиночку бы дел натворит. А если двое-трое…

Да, вот так бы и сделал. А до того показал бы, что стена со стороны реки совсем не интересует. Держал бы всех против ворот.

Похоже? Похоже. Коли так, то надо Илье к Дюже перебираться, когда атака начнется.

А она начнется. И скоро.

Может, здесь и остаться, наверху?

Нет, стрелять ему отсюда неудобно будет. И командовать тоже.

Внизу Илью встретил Ярош.

– Смола готова, – сообщил он. – Что делать, люди знают.

– Это хорошо, – одобрил Илья. – И подбери мне смерда или холопа поздоровее и нетрусливого.

– Зачем это, княжич?

– Носить меня будет, – пояснил Илья. – Как ты носил.

– Я и буду! – заявил моровский староста.

– Нет, друже, – покачал головой Илья. – Ты мне для другого надобен.

И поведал Ярошу свои мысли.

– …Так что посади на вышку кого-то глазастого, – завершил он. – Когда вороги на ворота полезут, пусть последит, чтоб часть в обход не пошла. А пойдут – я тоже туда переберусь, к Теше, а ты останешься ворота оборонять.

Холоп нашелся. Звали Неболей. Не шибко умный, но здоровенный и послушный. До того Неболя на пристани трудился. Принести, унести, поднять, уложить.

Илью Неболя вскидывал-опускал с легкостью. И держал, сколько велено. И на карачках по заборолу чапал с Ильей на спине пусть и не быстро, но уверенно.

Смола готова, люди расставлены.

«Что еще я забыл?» – подумал Илья, оглядывая подворье. Что еще…

Вспомнил. Воодушевить. Этому тоже учил батя. И что он им скажет, холопам и смердам моровским?

Как там великий князь Святослав воям своим сказал? «Мертвые сраму не имут!»

Но это – для воинов. Для простого люда – не пойдет. Сказать надо людям, что они справятся и враг будет побит. Да так, чтоб поверили. Ага, так они и поверят! Глянут на княжича-калеку, висящего на шее у собственного холопа, – и сразу поверят в победу. А им – надо. Они ж не воины. Это воины всегда готовы убивать и быть убитыми. А смерды – другие. Им страшно. На иного замахнуться довольно, чтоб он на колени пал. Им, чтобы драться, надо за собой силу чувствовать. А как обезноженному показать силу?

Хотя…

– Ярош, вели седлать Голубя!

– Что ты задумал? – насторожился староста.

– Не боись! Сам-один на врагов не набегу, – усмехнулся Илья. – Хочу с людьми поговорить, пока время есть.

Ярош сообразил, кивнул одобрительно:

– Сам заседлаю.

– Неболя, подними-ка меня на забороло, – скомандовал Илья. – Постреляем перепелок.

Пострелять – не получилось. Вороги, уже наученные, на выстрел не подходили. Большая часть сидела у костров на

опушке. Обедали, что ли?

«Надо бы и моих покормить, – подумал Илья. – Да и мне не помешает. Пока время есть».

Ярош вывел Голубя, Неболя подсадил Илью. Илья ухватился за края, отжался, запихнул ноги в дырки, уперся спиной, расправил плечи. Голубь скосил глаз на хозяина, заржал тихонько, приветствуя. В седле Илья вновь почувствовал себя почти воином. Эх, сейчас бы скомандовать, чтоб открыли ворота, – и полететь на врага, меча стрелу за стрелой…

Илья откашлялся, вздохнул поглубже:

– Люди моровские, вольные плотники, гости торговые! – Голос не подвел. Взлетел, как надо, не хуже, чем у братьев. – Враг у ворот! Но до нас ему не достать! Не получится! Не дадим ему войти в крепость! Покажем, что не его, а наша сила! Одолеем! Это ж не гридь княжья, а разбойники лесные! Они страшны, когда из-за куста стрелой бьют, а у нас под стенами – чисто! И потому не они нас бить будут, а мы – их! Насадим злодеев на копья! Попотчуем смолой горячей! Постоим за себя и за жен наших! Прободим ворогу сердце! Вспорем брюхо! Научим вежеству! Научим?!

– Научим! – отозвалось с десяток голосов. Не слишком дружно.

– Не за меня вы сражаться будете – за себя! – крикнул Илья. – За волю свою! А те, чья воля не самим, а роду моему принадлежит, вы знайте: по нашей варяжской Правде – несвободный, будь ты холоп обельный иль пленник обязан-

ный, если встал на бой рядом с хозяином, если оборонял его оружно, – свободен! Все меня слышали?!

– Да! Да! – На сей раз куда дружнее.

– Вот и славно! Ярош, я хочу, чтоб каждый из воев моих получил сейчас еду добрую и чару меда хмельного! Как зарок того пира, что я устрою, когда разобьем ватагу вражью и погоним прочь! Славно?!

– Славно!!!

На этот раз грянул уже не один десяток, а всё разношерстное моровское ополчение.

– С медом – это ты правильно решил, княжич, – одобрил Ярош. – Но успеем ли – до штурма?

– А ты поторопись, – посоветовал Илья, глядя на старосту сверху.

Голубь заржал, заплясал на месте, намекая: хорошо бы сейчас – галопом…

– Не сейчас, друже, – успокоил его голосом Илья. – Но мы с тобой еще поскачем…

– Откушай и ты, господин.

Лиска. В одной руке – завернутый в тонкую свежую лепешку шмат свинины, в другой – кружка с горячим сбитнем.

– Ты такой красивый, мой господин…

Ухватившись за перекладину, Илья свесился с седла, ухватил девушку за затылок и поцеловал в губы.

Зачем – и сам не понял. Может, потому, что в седле он ощущал себя не калекой, а прежним, мужем и воином?

Лиска охнула. Едва не выронила сбитень. Илья перехватил, выпил залпом, принял у опомнившейся девки лепеху, бросил:

– Неболя, за мной!

Расседлывать жеребца Илья не велел. Мало ли как обернется… Еще раз взобрался на вышку, где уже устроился посланный Ярошем наблюдатель. Окинул взглядом окрестности: реку, городок, поля, холм с догорающей церковью, лес и, черное на белом, лагерь вражьей ватаги. Топоры там уже не стучали. Для штурма всё готово. А вот главного ихнего – не видать… И это подтверждало предположения Ильи.

Он просидел на вышке недолго. До тех пор, пока не увидел, что вражеская ватага (войском назвать – язык не поворачивался) пришла в движение.

– Особо не высовывайся, но поглядывай. Увидишь, что подбираются со стороны реки, дай знать, – велел он парнишке-наблюдателю.

– А как? – спросил тот.

– Вниз спустишься и меня найдешь.

– Подстрелят же, пока спущусь!

– Сделаешь, как я, – не успеют. – Илья ухватился за веревку и перекинул паралличные ноги в отверстие люка. – Только рукавицы надень, не то ладони сотрешь. Есть у тебя рукавицы? Вот и хорошо. Бди! – Крикнул вниз: – Лови меня, Небо-

ля! – И заскользил по веревке. Три мига – и он уже внизу.

– К воротам! – скомандовал Илья. – Встретим татей погорячее!

Атакующие приближались сторожко. Прятались за щитами, лестницы тащили волоком. Шли двумя шеренгами. За второй наверняка лучники.

Кто-то из моровских с испугу, верно, начали садить по щитам.

– Не стрелять! – крикнул Илья. – Ждать команды!

Стрел у обороняющихся – в достатке. По три большие связки на лучника. Но это не повод, чтобы тратить их впустую.

– Со смолой – готовы?

– Да! Да! – нестройно ответили на стене.

– Лить по команде! Один льет – двое щитами прикрывают!

Вторая шеренга остановилась. Первая двигалась.

Те, что оказались напротив ворот, образовали «домик» из щитов. Тарана у них Илья не заметил. Они что ж, собираются этакие воротища топорами разбить? Ну-ну…

Справа пристроился Ярош.

– Прикрывать тебя буду, – сообщил он. – Сейчас попрут.

Так и вышло. Задние бросили щиты первыми, и над головами засвистели стрелы. Передние подняли лестницы, приставили к частоколу. Одна оказалась прямо над Ильей. Он засмеялся. Неболя с Ярошем удивленно глянули на своего

княжича. Пояснять не было времени, а для любого настоящего воя понятно: смерды снасть делали. Где ж это видано, чтоб лестница над стеной на локоть торчала. Это ж ее отпихнуть – даже привставать не надо. Но погодим отпихивать.

Лучники перестали стрелять. Понятное дело. Меткость у них не хузарская. Боятся своих задеть. Это хорошо!

– Раз, два, три… – отсчитал Илья. И заорал: – Лей!

Обороняющиеся хапнули черпаками смолу из поднятых на забороло малых котлов и выплеснули вниз.

По ту сторону жутко заорали в дюжину глоток.

– Лей! – перекрывая ор, взревели на пару Илья и Ярош. Малые котлы – на три-четыре черпака. Больше не надо. Второй раз вороги на такое не попадутся.

– Неболя, поднимай!

Вскинутый над зубцами Илья вмиг оценил картинку: под стеной – с десяток корчащихся врагов. Остальные отступили в растерянности. Лучники тоже ворон ловят… Вот им-то и гостинец!

Илья раз десять раздернул лук, когда в него полетела первая ответная стрела.

– Опускай!

Рядом кто-то вскрикнул. Высунулся, надо думать, и поймал стрелу. Илья не оглянулся. Его занимало другое. Среди нападавших не было никого в хорошей защите. Может, конечно, все они под «домиком» у ворот, но сомнительно. Такие ворота можно целый день рубить – только и толку, что

согреешься.

Илья глянул в сторону вышки… Дозорный никаких знаков не подавал. Ладно, посидим здесь еще.

– Ярош! – крикнул он, не отрывая глаза от щели.

Староста не отозвался.

– Ярош!

– Убили его, княжич!

Илья не понял. Внизу орали обожженные, бойцы в «домике» лупили топорами по воротам…

– Чего? – Он обернулся и не увидел рядом Яроша.

Ах ты ж… Ярош лежал внизу, под стеной. На спине. Из глаза торчал хвостовик стрелы. Насмерть.

Илью будто дубиной в живот ткнули. Как же теперь…

Но времени оплакать старосту… нет, друга, – не оставалось. Стрелы перестали петь над головой, ближайшая лестница заходила ходуном. Приставленный к котлу смерд плеснул смолой… Ничего. Смола, конечно, подостыла, но не настолько, чтоб стать безопасной. Ну понятно! Поумнели. Прикрываются.

– Не надо смолой! Вилами толкай, вилами! Неболя, помогай! Да не торчи ты над стеной, присядь! Давайте разом!

Неболя и смерд в криво сидящем шлеме уперлись в лестницу вилами, когда над зубцами возникла голова в огромной мохнатой шапке. Голова разинула рот… В который Илья и всадил стрелу. В треть натяга, почти лежа, но хватило. Голова пропала. Тут Неболя со смердом отпихнули лестницу от

стены. Жаль, высота невелика. Не убьются.

– Поднимай!

Неболя бросил вилы, ухватил Илью поперек туловища…

Не у всех моровских получилось отпихнуть лестницы. Человек пять нападавших перебрались через стену, другие уже лезли им на помощь. Поэтому Илья не стал бить по стрелкам, а занялся штурмующими. Троих подшиб сразу, еще пятерых снял с лестниц. Если бы не стрелки, он бы один всех ворогов положил. Но вражьи стрелки принялись за дело, и Илья вынужден был спрятаться за зубцами. Глянул вдоль стены… Так, вроде отбились. Чужих нет. Своих, правда, тоже побили с десяток, не меньше. И Ярош… Он один стоил половины моровских смердов.

Илья глянул на вышку… И увидел дозорного, спускавшегося по лестнице. Вот дурень! Сказано же – по веревке. Он же для стрелков – как поросенок на блюде!

И точно. В спину паренька ударило сразу две стрелы, он разжал руки и полетел вниз. Но весть всё же передал. Тем, что начал спускаться.

Во двор падали стрелы. Редкие, но щит на спину Илья повесил.

– Неболя! Бери меня и бегом на ту сторону!

Поскакали. Неболя – согнувшись, мелкой рысцой, Илья – одна рука вцепилась в Неболину рубаху, во второй щит.

Опоздал. Один из челядинов Дюжи полетел с заборола с копьем в груди. И в тот же миг через зубцы ловко перемахнул

тот самый, в доброй броне. Главный.

Срубил еще одного челядина, выдернул из вторых ножен еще второй клинок. Купец Дюжа с сыном кинулись на ворога с разных сторон, но Илья уже понял, что сейчас произойдет.

– Неболя! Поднимай! – заорал он, отбрасывая щит.

Ворог – не чета купцам. Матерый. Гридень. И не просто гридень – варяг.

Варяг! Свой! Перун, как же это?

Одна часть Ильи застыла в изумлении, зато вторая времени не теряла. Лук из налуча, стрела из тула…

Илья бы его сбил. С пятнадцати-то шагов. Неболя замешкался. Не сразу сообразил, что велено. А когда сообразил, перехватил Илью со спины и начал поднимать, всё уже было кончено. Ворог уже зарубил обоих, соскочил со стены, увидал Илью, которого Неболя как раз перехватывал за воинский пояс, чтобы развернуть к врагу… Увидел – и не раздумывая метнул один из мечей. Не в Илью – в Неболю. Холоп захрипел и повалился на бок. Илья рванулся, уже падая, послал стрелу… в белый свет. Ворог подскочил, упер второй меч Илье в горло, нажал… Но не зарезал почему-то. Отбросил ногой лук, выдернул из бьющегося в агонии Неболи второй клинок. Рядом с ним встали еще двое. Тоже воины, но поплоше. Хотя и одного такого на десяток смердов хватило бы с лихвой. Ворог наклонился к Илье…

– Что, Серегеич, худо тебе? – змеей прошипел он.

– Что творишь? – яростно выкрикнул Илья. – Ты же варяг!

– Перун меня простит! – ухмыльнулся ворог. – Вы ж теперь не ему, а ромейскому Христу кланяетесь. А этот меня уж точно простит. Он же всех прощает, да, Серегеич?

И тут Илья его узнал. И еще больше удивился. Свардиг. Бывший сотник князя Владимира. Сосед батин по Горе.

Узнал – и сразу успокоился. Если такой, как этот, в разбойное дело ввязался, то Илье не жить. Но – почему?

– Тебя – не простит, Свардиг, – произнес он, стараясь, чтоб голос звучал достойно. Хоть голос, потому что хранить достоинство, лежа в грязи у ног врага, было непросто. – Не простит он тебя, Свардиг. Ты ж его дом сжег.

– Признал, – удовлетворенно произнес бывший сотник. – Это хорошо. Лой, – обратился он к одному из своих. – Приподними-ка его! – Свардиг стянул с Ильи тул со стрелами, налуч, воинский пояс. Всё нацепил на себя, подобрал с земли лук, оглядел, хмыкнул удовлетворенно, вложил в налуч, распорядился: – Пригляди за ним, Лой, пока я с прочими разберусь.

– А чё за ним смотреть? – удивился названный. – Он же калека. Уползет куда-нить под ясли – вытащим.

– Делай, что сказано! – рявкнул Свардиг. – Это он сейчас калека! А год назад у отца своего в гриднях ходил. И это его стрелу Шлея словил. Больше некому.

– Ого! – Лой глянул на Илью с уважением. – За полторы сотни шагов! Это ты, что ли, его обезножил, Свардиг?

– Не я. До меня кто-то… успел.

«Были б у меня ноги, – подумал Илья. – Мы б еще поглядели, кто… успеет».

Но вслух не сказал ничего. А что скажешь? Не удержал он Моров. Кончено дело.

– Не скучай, Серегеич, я скоро, – посулил Свардиг.

– Давай-ка тебя поднимем, – вполне добродушно проговорил Лой, спихнул тело Неболи с ноги Ильи, подхватил княжича под мышки, подтащил к сараю и прислонил к стене. Лой не знал, что рискует. Ухвати его Илья за горло да сдави как следует…

Не стал Илья его хватать. Что ему этот Лой. Вот если бы до Свардига дотянуться, но – вряд ли. С варягом калеке не совладать. Разве что Бог пособит. Илья забормотал молитву…

– Правильно, – похвалил Лой. – Проси у своего Бога быструю смерть. Свардиг, он лют. И зло на тебя держит. А значит, умирать будешь до-олго!

Открыли ворота. Уцелевшие при штурме смерды толпой ввалились внутрь и сразу побежали кто куда. Грабить. Свардиг стоял посреди двора, сдвинув шлем на затылок, зацепив большие пальцы за воинский пояс Ильи. Ухмылялся.

То ли наплевать ему на добычу, то ли не сомневается: лучшее из того, что боевитые смерды награбят в богатом моровском остроге, достанется ему.

Выжившие моровские, целые и раненые, понурые стояли отдельной кучкой. На них не обращали внимания. Смерды и холопы без вожаков не опасны. Никого из них пока не оби-

жали. Даже девок не трогали. Первым делом – добыча. Хотя чадь – тоже добыча…

Глава 10

Моров. Свардиг. Лютая смерть

– Отдай! – закричал лесовик, размазывая слезы по грязной роже и пытаясь оттолкнуть плечом вставшего на пути Лоя. – Отдай! Он моего брата сжег! Я его тоже жечь буду!

Лой, понятно, с места не сдвинулся, лесовик пихал его без толку. Но на вопль потянулись родовичи, тоже не больно трезвые. Или до клетей добрались, или отыскали бочку, из которой Ярош поил моровских перед боем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.